

Министерство культуры Российской Федерации

Сергиево-Посадский государственный
историко-художественный музей-заповедник

К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне

Военное
детство и юность
воспоминания
рассказы

Автор - составитель: ст.н.с. Коновалова Г.М.

Технические редакторы: Лукьянов А.В., Морозов К.Н., Теренков А.Б.,
Бодрова В.А.

Военное детство и юность. Воспоминания, рассказы
(материалы были подготовлены в 2010 году)

В книге собраны воспоминания, рассказы о военном детстве и юности пенсионеров и ветеранов Сергиева Посада. Данный материал пополнит имеющиеся сведения о жизни тыла и фронта в период Великой Отечественной войны. Воспоминания и рассказы могут использоваться как дополнительный фактический материал для музейно-образовательных программ, библиотек, общеобразовательных школ.

© СЕРГИЕВО-ПОСАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИСТОРИКО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

Кругликов Валерий Сергеевич

**Председатель
Сергиево-Посадского районного
Совета ветеранов**

Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник совместно с Советом ветеранов Сергиево-Посадского городского округа организовали благотворительную культурно-образовательную программу «Народный университет» для ветеранов и пенсионеров. Работа велась по двум направлениям и, соответственно, определились два «факультета»: «Беседы об истории и культуре» и «Беседы об искусстве». В сентябре 2008 г. начал учебу первый курс слушателей.

Однако посещение занятий «Университета» стало не просто способом получить знания или провести досуг. Время, проведенное здесь, дало, помимо этого, огромный заряд оптимизма, так необходимого в любом возрасте, а особенно людям старшего поколения.

Ярким подтверждением необходимости и полезности «Народного университета» стало создание его слушателями своеобразного свода воспоминаний «Военное детство и юность», в котором собраны свидетельства очевидцев той уже далекой военной поры. Со страниц альбома подлинные свидетели происходившего обращаются к нашим современникам и приводят правдивые описания судеб и поступков людей в жестоких условиях войны. Для нас и наших потомков это ценнейший источник информации.

От всей души благодарим сотрудников музея за огромный вклад в ветеранское движение в районе, за теплое неравнодушное отношение к людям пожилого возраста. Надеемся на дальнейшее продолжение столь плодотворного сотрудничества между музеем и Сергиево-Посадской районной общественной

организацией ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов.

Совет ветеранов поздравляет всех с Великой Победой советского народа в Великой Отечественной войне.

Ко дню Победы в Великой Отечественной войне

Приближается знаменательная дата Великой Победы нашего народа над фашизмом. Все меньше остается живых свидетелей, тех, кто ходил в атаку, вступал в рукопашную, сбрасывал бомбы на вражеские позиции, топил фашистские корабли, партизанил в лесах Белоруссии и Украины.

Сейчас появилось много охотников извращать историю, оболгать и унижить участников борьбы с фашизмом, переписать историю, чтобы последующие поколения не знали всей правды тех лет, которые прожили их деды и прадеды в борьбе за свою независимость. Порой целое поколение вынуждено учиться по чужим учебникам, смотреть фильмы о войне, сделанные за рубежом.

Но всё-таки есть неподвластная времени и никем неподкупная память народа, она передается из уст в уста, от отцов и дедов своим детям и внукам в семейном кругу или в общении с друзьями и близкими, когда в ней нет политической окраски, лжи и лукавства. А эта священная память.

Поколение победителей, восстанавливая разрушенные города и поселки, развивая промышленность и сельское хозяйство, возводило памятники, обелиски и мемориалы в память, защитникам Отечества, зная о том, что время – жестокий фактор жизни, который многое стирает из памяти спустя некоторое количество лет.

В настоящее время мы – дети войны, возрастные пенсионеры, уже не всё можем помнить о событиях 1941 – 1945 годов и рассказать о военных действиях либо по молодости тех наших лет, либо по причине своей жизни вдали от фронта. А память сохранила только жизненные трудности военного времени.

Если бы каждый из нас мог бы анализировать свои поступки и историческое развитие общества, т.е. из чего складывается наше благополучие или дискомфорт жизни, умели бы сохранить свои жизненные и природные ресурсы, тогда многое изменилось бы как в личной жизни каждого из нас, так и страны в целом. Я думаю, такого же мнения придерживаются и те, кто завоевывал Победу над фашизмом.

*Иванова Галина Николаевна, слушатель
«Народного университета»*

Битва под Москвой – шаг к Победе

«Вся родина встала заслоном,
Нам биться с врагом до конца,
Ведь пояс твоей обороны
Идет через наши сердца...
Москва!»

*(Из стихотворения
А. Прокофьева “Москве”)*

К сожалению, с каждым днём остаётся всё меньше участников войны, которая затронула каждую семью: у кого-то воевал дед или прадед, у кого-то бабушка жила в оккупации, кто-то сам, будучи ребёнком, испытал все тяготы войны.

Более семи десятилетий отделяют нас от начала Великой Отечественной войны, но не поблекли, не стёрлись в памяти, не позабылись четыре героических года. Война продолжает жить в нас, в наших воспоминаниях, в судьбах людей, в книгах и на обелисках, во всём, к чему прикоснулась она, где оставила свой след. И поныне для тех, кто был на фронте, и кто родился уже после того, как отгремели бои, военное прошлое - пора величайших испытаний, невероятного драматизма и беспримерного героизма. Великое не должно быть забыто. Потому так ценно каждое новое свидетельство о нём, так волнующа каждая новая страница, внесённая в историю Великой Отечественной войны и её бойцами, и её летописцами.

Тяжелой была эта война, и всё написанное о ней не может восстановить полностью картину грозных 1941-1945 годов. Появится ещё немало книг, ещё много будет написано о том, что хранила до поры до времени память фронтовиков или документы архивов. Вероломное нападение фашистской Германии на СССР поставило нашу страну в чрезвычайно тяжёлое положение.

Битва под Москвой имела огромное значение для победы над фашизмом. Генеральное наступление немецких войск началось 30 сентября 1941 года. После долгих сражений им удалось прорвать оборону и к 7 октября окружить четыре советские армии западнее Вязьмы и две - южнее Брянска. Кровавопролитные бои шли под Клином и Волоколамском, Можайском и Крюковым, на легендарном Бородинском поле и на Дмитровском направлении... Путь на Москву, как полагало немецкое командование, был открыт. Но на этот раз планам фашистов не суждено было сбыться.

В окружении советские армии в течение двух недель в упорных боях сковывали около двадцати немецких дивизий. В это время спешно укреплялась Можайская линия обороны, срочно подтягивались резервные войска. С Ленинградского фронта был отозван Г.К. Жуков, который 10 октября вступил в командование Западным фронтом.

В эти суровые дни Загорск стал прифронтовым городом. Между ним и передовыми позициями Советской Армии не оставалось ни одного крупного населённого пункта. Линия фронта проходила в 35-40 километрах. Советские войска изматывали врага в оборонительных боях на подступах к столице. И в то же время эта оборона позволяла сосредоточить под Москвой свежие силы для контрнаступления. Первая Ударная Армия была одним из таких резервов Ставки, предназначенным для будущего наступления. Формирование этой армии развернули в Загорске, назначив ее командующим генерала Василия Ивановича Кузнецова, а начальником штаба – полковника Никанора Дмитриевича Захватаева. Люди прибывали сплошным потоком: рабочие Подмосковья и Горького, моряки-добровольцы Тихоокеанского флота, партийные кадры, которых мобилизовали из-за крайнего случая. Загорский городской комитет обороны помогал командующему генерал-лейтенанту В.И. Кузнецову.

Успешное наступление 1-й Ударной армии и контрудары 16-й и 20-й армии позволили Г.К. Жукову начать общее наступление Западного фронта. Оценив обстановку, командование фронтом и Ставка приняли решение нанести мощные удары по основным группировкам противника. Контрнаступление началось 5 декабря 1941 года. Впервые же дни были освобождены города Калинин, Солнечногорск, Клин, Истра. Немецкие солдаты, получившие приказ Гитлера любой ценой удержать завоеванные позиции на подступах к Москве, оказывали упорное сопротивление. В ходе зимних боев враг был отброшен от Москвы на 100-250 километров, непосредственная угроза столице миновала, и в дальнейшем немецкое командование больше не проводило наступательные операции непосредственно на Московском направлении.

Разгром немцев под Москвой и последующее наступление Красной Армии показали несостоятельность стратегии молниеносной войны, развеяли миф о непобедимости германской армии. Победа под Москвой была решающим военным

событием первого года войны и первым крупным поражением Германии во второй мировой войне, оказавшим большое влияние на ее ход.

В битве под Москвой гитлеровцы потеряли в общей сложности более полумиллиона человек, 1300 танков, 2500 орудий, более 15 тысяч машин и много другой техники. Несмотря на большие потери, немцы продолжали продвигаться к Москве.

В Великой Отечественной войне приняли участие около 30 тыс. жителей Загорска и района. На фронт уходили военнообязанные всех возрастов: и солдаты ещё первой мировой войны, и выпускники средних школ. Только из Загорска в народное ополчение пошло 1080 бойцов, а добровольцами в армию – 2142 человека. Не вернулись домой, погибли на фронтах войны или пропали без вести 1617 человек.

Самоотверженно трудились и те, кто остались в тылу. Победа под Москвой была невозможна без героического труда работников тыла. Ушедших на фронт заменили женщины и дети. Каждый дом в Загорске был готов дать отпор врагу. Дома вдоль проспекта Красной Армии, особенно угловые кирпичные, оборудовали под огневые точки с закладкой окон и устройством амбразур. Подвалы домов были оборудованы под бомбоубежища. Дежурство велось круглосуточно.

В Троице-Сергиевой лавре (ТСЛ) были расчищены крепостные стены, от кирпичных закладок освобождены бойницы, купола церквей перекрашены в тёмный цвет, и все крепостные стены были оборудованы для ведения огня. Золотой купол Троицкого собора был закрыт холстом. Уникальные ценности историко-художественного музея бережно упаковали и отправили в глубокий тыл – город Саликамск. На территории ТСЛ размещался Городской Комитет Оборона. Колокольня служила хорошим наблюдательным пунктом за вражескими самолетами. Об их появлении бойцы специальной службы воздушного наблюдения, оповещения и связи сообщали в штаб МПВО.

В строительстве оборонительных сооружений приняли около 22 тыс. жителей города и района. Было выкопано около 700 щелей-укрытий (окоп в полный рост). На южном участке, на всех улицах, пересекающих Дмитровскую и Углическую дороги, были установлены полутораметровые противотанковые «ежи», которые были сварены из лома рельсов на кирпичном заводе. Основу оборонительных сооружений составляли противотанковый ров и надолбы перед ним. Перед рвом на расстоянии 1-1.5 километров была создана полоса лесных завалов. Ширина полосы завалов – от

100 до 200 метров. С рассвета и до темноты рыли окопы и траншеи. Ежедневно выходило работать 300-400 человек, в основном женщин, подростков. Вся жизнь и работа людей были подчинены фронту.

Загорские заводы были эвакуированы. На оставшихся предприятиях в основном, трудились женщины и дети, которые выполняли военные заказы. Многие школы были отданы под госпитали для раненых солдат и офицеров. Активно помогали госпиталям дети. За годы войны в нашем городе размещалось около 10 госпиталей. Самый крупный в Московской области госпиталь (на 2500 коек) был размещён в Троице Сергиевой лавре, в здании Духовной академии.

Несмотря на войну, дети ходили в школу. Загорские городские и районные школы в годы войны не прекращали свою работу. Учёба прерывалась только в ноябре 1941 года, когда в городе развернулось формирование 1-й Ударной Армии – здания школ на четверо суток были предоставлены солдатам. Зимой школы не всегда отапливались – не хватало дров. Дети валили деревья, очищали их от сучьев, распиливали. Затем несли на плечах до дороги и на санках увозили к школе. Педагоги и учащиеся питались впроголодь, в школе выдавали по 50 гм хлеба. Учителя с классами каждое лето и осень выезжали на полевые работы в колхозы, убирали урожай, косили и сушили сено. Всего за годы войны трудящиеся Загорского района сдали в Фонд обороны страны 42 млн. 726 тыс. рублей. Колхозники Загорского района собрали 4 млн. рублей на строительство танковой колонны «Московский колхозник». Готовность пожертвовать собой была всеобщей, ведь деньги, которые люди передавали фронту, были далеко не лишними в каждой семье. Все, что они делали, было направлено на Победу в Великой Отечественной войне.

К счастью, под мирным небом выросло уже несколько поколений, но мы не должны забывать о том времени, о тех людях, которые защитили нашу страну. У нас есть уникальная возможность собрать и опубликовать воспоминания ветеранов и очевидцев о своём военном детстве и юности. Мы можем услышать и записать рассказы близких им людей, оставить следующим поколениям фото- и видеоматериалы о Героях нашего времени.

Галина Михайловна Коновалова

***Старший научный сотрудник СПГИХМЗ,
руководитель «Народного университета»***

Абросимова

Александра Фёдоровна

(1923 г.р.)

В 1941 году мне исполнилось 18 лет. Жили мы в деревне Сущево Ивановской (Владимирской области). 22 июня мы с сестрой поехали в Москву за покупками. В 12 часов дня мы увидели на одной из улиц скопление людей, они стояли у открытого окна первого этажа жилого дома, из которого доносились слова о том, что началась война с немецко-фашистскими войсками. В течение дня мы наблюдали такую ситуацию в Москве повсеместно. Вечером мы вернулись домой, а на следующий день началась мобилизация на фронт.

Осенью 1941 года ушёл на фронт мой отец, Абросимов Фёдор Мартынович. Больше я его не видела. В декабре того же года я уже была на фронте. Под Москвой в Щелковском районе на охране Чкаловского аэродрома служила в МПВО 250 полка.

Войну закончила в Польше. В дежурном пункте, ночью по телефону, я узнала о победе наших войск над фашистской Германией. В темноте я выбежала на улицу, вокруг стояли круглые палатки для военных полка, и объявила радостную весть. Все выскочили, стали кричать, стрелять, плакать от радости. Все ждали этой минуты пять долгих лет.

После войны я работала в Загорской школе №2 учителем физкультуры. А затем на Загорской трикотажной фабрике.

Несмотря на то, что прошло уже 65 лет со дня Победы, в памяти остались военные годы навсегда.

Александрова
(Романова)
Валентина Васильевна
(1932 г.р.)

Хорошо помню теплое солнечное воскресенье 22-го июня 1941-го года. Мне было почти 9 лет, и я перешла во 2-й класс начальной школы №5 на Валовой улице. В 12 часов дня мы, дети, жившие в коммунальной квартире на Рабочем посёлке, шумной оравой вбежали в коридор и были остановлены окриком взрослых: «Тише, выступает Молотов, началась война». Все они стояли на кухне у черного репродуктора и молча слушали его речь.

А 3-го июля 1941-года по радио прозвучало обращение к народу И.В. Сталина. Быстро началась перестройка всей экономики на военный лад. Наш завод ЗОМЗ был эвакуирован в город Томск, и лишь небольшая часть рабочих, в том числе и мои родители, были оставлены для продолжения необходимой работы. Город был объявлен прифронтовым. Рабочий поселок опоясали траншеями и окопами. На его окраине (сейчас Краснофлотская улица) расположился зенитный дивизион из молодых девушек. Помню, как бомбили вокзал, как взрослые по очереди дежурили на крышах своих домов, чтобы вовремя обезвредить упавшую зажигательную бомбу. Для этого было приготовлено всё необходимое на чердаках: бочки с водой, ящики с песком, лопаты, клещи и прочее. Часто дети дежурили со своими родителями. В ночное время с крыш домов хорошо было видно зарево пожаров над Москвой, которую беспрестанно бомбили. Первого сентября начали работать все школы. Моя первая учительница Кузнецова Антонина Николаевна была первой пионеркой города Загорска.

В декабре 1941 года стояли сильные морозы, и шли ожесточенные бои под Москвой. Вместе со всей страной школьники старались помочь нашей армии, чем только могли. Мы собирали посылки теплых вещей для бойцов. Каждый приносил, что мог: теплые носки, варежки, свитера и т.д. Посылки отправлялись со своими адресами, а в ответ получали благодарственные письма от командиров, рядовых бойцов. В 3-ем классе мы стали пионерами и стали чувствовать большую ответственность за всё происходящее.

После прочтения книги А.П. Гайдара «Тимур и его команда» в стране началось массовое тимуровское движение. Суть движения заключалась в том, чтобы делать добро, оказывать помощь нуждающимся не «на показ», незаметно, не объявляя себя. Во дворах, на улицах создавались разновозрастные отряды, команды. В них входили ребята от 8 до 13-14 лет. Они незаметно обходили дома, выявляли кто, где и в какой помощи нуждается. В то время, когда взрослые были на работе, а больные и старые не выходили на улицу, тимуровцы после уроков пилили и кололи дрова (печное отопление), носили воду, разгребали снег у калиток и подъездов домов. Мы постоянно ходили в госпиталь в Лавру. Готовили для раненых концерты, помогали их кормить, читали им письма от родных и близких.

По всей стране звучала песня о тимуровцах.

*«Тимуровцев много веселых,
Их много в больших городах,
Их много в аулах и селах
В сибирской тайге и степях.*

*Команды идут, ребята поют:
«Тимуровцы, шагай веселей, веселей!
За дело, друзья! Лениться нельзя,
Поможем отчизне своей!»*

Андропова
Нина Александровна
(1928 г.р.)

Остается немного времени до празднования Дня Победы. Много слышим передач и поздравлений. Мне 82 года. Наш отец погиб в начале 1942 года под Смоленском. У матери нас осталось четверо сирот: мне старшей - 13, младшему - 6 лет. Держу в руках четыре письма, присланные отцом с фронта. Написанные карандашом, в конверте из обложки тетради. Эти письма залиты слезами нашей матери.

Мы их хранили и перечитывали. Перечитывают наши дети, внуки, правнуки. Какая любовь и забота в этих письмах о семье. Рвались в бой, чтобы разгромить врага и вернуться к семье. Но этого не случилось. Военкомат прислал похоронку. Ездили мы в Смоленскую обл. село Пихотово, где погиб наш отец. Но там поля, заросшие бурьяном, и несколько домов, где проживают старики, очевидцы этих страшных боев, которым повезло выжить.

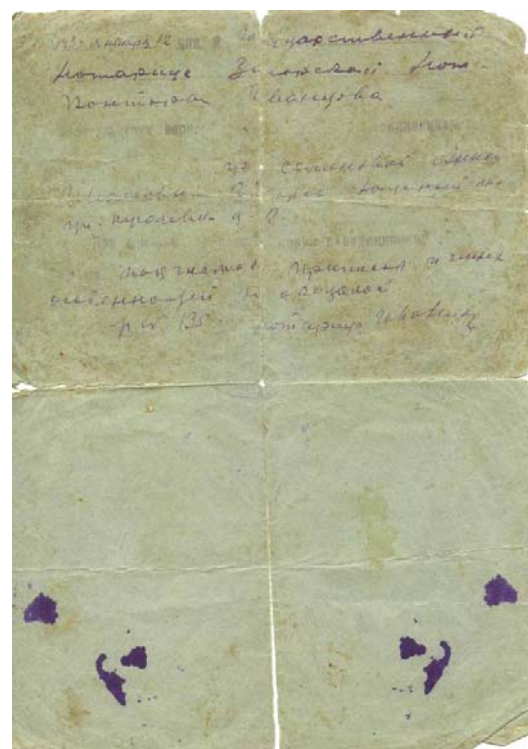
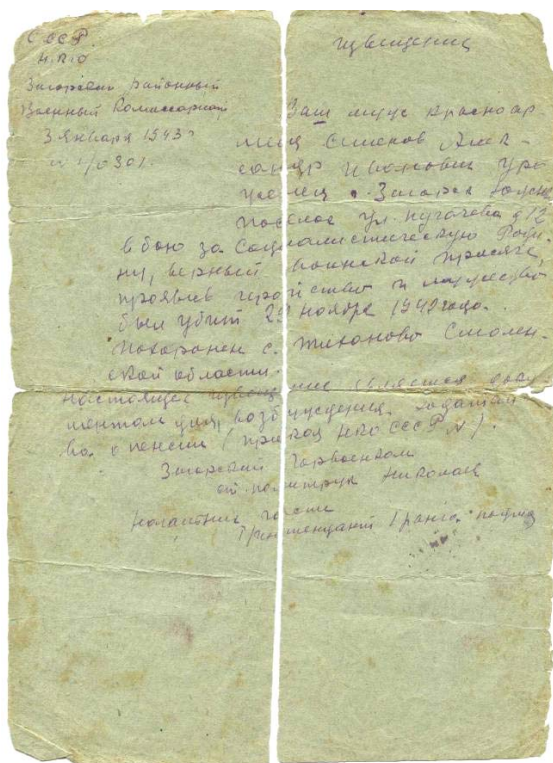
Я хочу написать несколько строк о дне Победы 45 года.

Я помню этот день. Счастливый день Победы. Мы радовались, что кончилась война. Но помню я еще и горести, и слезы тех вдов, которые ревели у крыльца.

Они слезами обмывали похоронки, держа в руках последнее письмо. Им, вдовам, жизнь досталась нелегкая - одним растить детей и больше ничего.

Они, казалось, намного постарели, ощутив суровую судьбу. Заботы и работа их не сломили. Они ни на кого не сваливали вину. И государство заметило их поздно, и помощь оказалась нулевой, и половина их в живых не осталась, когда называли их солдатскими вдовами. Я думаю, Господь их не забудет и ответит им местечко в раю. А мы помолимся за них, усопших. За душу их и матушку свою. Помним тех солдат, которые погибли. Которые нам были родные по крови. И память о них не стерли годы.

Больше полвека вспоминаются они.

«Похоронка» от 3 января 1943 г.

Мы, все дети, очень благодарны и чтим память нашей матушки, Семеновой Анны Ивановны, и бабушки, Марии Уваровны, что сберегли они нам жизнь в эти страшные годы. Они умели работать, брались за топор, за косу, и нас к труду приучили, чтобы умели вскопать полосу.

В войну мама работала надомницей, шила белье для солдат фронта. Ручная машина стучала день и ночь.

Шила мама, сменяла ее бабушка. Всех они нас вырастили. Никто не пошел по плохой дороге. Во всех семьях замечательные дети и внуки. Жизнь продолжается, но день Победы я всегда встречаю со слезами на глазах.

В

**Бочкова
(Колядова)
Надежда Кузьминична
(1927 г.р.)**

Я родилась в Москве на Красной Пресне в 1927 году. В 1937 г. семья переехала по семейным обстоятельствам в г. Тулу. Мы жили в центре города, и от оружейного завода, основанного Петром I, наш дом отделяла только река Упа, которая впадала в Оку. Никогда не забуду слова учителя начальной школы, который говорил нам: Дети, никогда не загрязняйте нашу реку, так как всё попадёт в Волгу. Семья наша была большая, 5 человек детей, я старшая. Когда началась война я окончила 7 классов, мне было 14 лет. Когда немцы заняли Ясную Поляну – родину Льва Толстого и Косую гору, то танки рвались на окраину города с южной стороны.

Отец ушёл на защиту города в ополчение, и больше мы его не видели. Он погиб в 1942 году, ему было 42 года. Мама работала на Оружейном заводе. Она в те дни получала зарплату каждый день, потому что неизвестно, что будет завтра. Нас немцы бомбили каждый день, стараясь попасть в Оружейный завод. Наш дом был 2-х этажный и имел очень хороший подвал. Всё это страшное время все жильцы жили в подвале. Немцы очень пунктуальны. Они бомбили нас днем и точно в 10 часов вечера. Зная это, мы перед этим бегали на второй этаж быстренько ужинать. В 1942 году я поступила в Механический техникум на факультет «Проектирование стрелкового оружия». Я училась и работала, точила кончик штыка, чтобы вставить в «винтовку Мосина». Чтобы включить и выключить станок мне подставляли ящик. В первые годы войны эта винтовка была на вооружении. Потом была заменена более современным оружием.

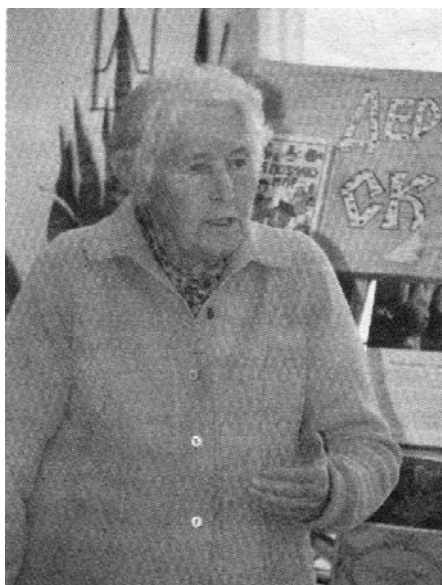
*Колядов Николай Кузьмич,
младший брат Надежды Кузьминичны*

Мой брат, 1929 года рождения, тоже работал на Оружейном заводе, чистил ствол винтовки. Когда немцев отогнали от Тулы, я с братом ходила на родину отца 90 км за продуктами. По шоссе мы в первый день проходили 50 км, затем просились на ночёвку, а на второй день – 10 км шли по шоссе до Плавска. Затем шли 30 км по просёлочной дороге до деревни Коржевка мимо деревни Раево, где Церковь. Гостили у родственников, нас кормили и собирали в обратный путь. Иногда довозили до Плавска.

А зимой брат ездил в деревню на санках за продуктами с мамой. Я оставалась с детьми. Брату Николаю эта жизнь наскучила и, когда в очередной раз военные приехали за оружием, он сбежал на фронт с ними. Мы очень волновались, не знали, где он. Потом пришла весточка - приехал парень в город, и брат передал с ним посылку. Так мы узнали, что он на Западном фронте, затем он воевал под Сталинградом. Война кончилась, ему всего 16 лет. Он стал служить, работать. В г. Калач, что недалеко от Сталинграда, приехала девушка, молодой специалист из Одессы. Она окончила строительный техникум и её распределили в г. Калач. В Одессе её маму и 4-х детей (евреи) уничтожили немцы. В то время она была в деревне у бабушки – потому и осталась жива. Отец был на фронте. Она познакомилась с братом, потом поженились.

День победы я встретила в г. Туле. В 4 часа утра услышали новость по репродуктору. Эти события остались у меня в памяти на всю жизнь.

Будникова Татьяна Викторовна (1925 – 2012)

Моя малая родина – это территория бывшей Сергиевской лечебницы Московского губернского земства, где ныне на ул. Кирова Противотуберкулёзный диспансер занимает корпуса, построенные в 1900 г. с участием первого заведующего больницей Николая Александровича Королёва. Мои родители были медицинскими работниками. Я родилась и прожила здесь свыше 40 лет, общаясь со всем населением этой территории. Жизнь больницы проходила и изменялась на моих глазах.

Мне было 16 лет, когда 22 июня 1941 г. через все радиоточки Загорска сообщили о начале войны с Германией. 23-го июня была объявлена мобилизация военнообязанных от 23 до 34 лет. Старшее поколение предвидело войну: армия увеличивалась в численности, с осени 1939 г. призывной возраст окончивших полную среднюю школу понизили до 18 лет, в военные билеты находившихся в запасе вклеивались мобилизационные предписания, обязывающие явиться в военкомат в день призыва. Этот красный вкладыш предупреждал, что медицинское освидетельствование при этом производиться не будет, и обладатель документа должен заранее позаботиться о своём здоровье.

Молодёжь была уверена в скорой победе: пресса настойчиво сообщала о неприступности наших границ, о победах у о. Хасан, на Халхин-Голе, в Финской и Западной войнах. То, что «мы немцев шапками закидаем», моё поколение было уверено. Однако шли дни, а тревожные сводки не сулили лёгкой победы. С небывалой быстротой начал меняться уклад жизни всех: «от мала до велика». Каждый день превращался в продолжительный труд.

В этот год я закончила 8-ой класс школы №22, размещавшейся в 4-х этажном кирпичном здании построенном в 1939 г. на ул. Кирова, 8. Уже в июле городские власти начали приспособлять его под эвако-госпиталь №2894 в помощь военно-санитарным структурам. Организацией его занимались батальонный комиссар Николай Григорьевич Борин и мобилизованный заведующий Загорского туберкулёзного диспансера, что размещался на современной ул. Митькина, 37. Пётр Иванович Андреев – первый начальник госпиталя. Средства предоставлял Наркомздрав, а кадры – лечебные учреждения Загорска. По этой причине и в то же время начался «обвал» медицинской службы в моей родной больнице. Помню, как в короткое время мобилизовали 17 человек персонала.

Из 9-ти врачей были призваны 6, в том числе 2 хирурга и главные врачи: действовавший А.Н. Терентьев и не успевший вступить в должность С.Г. Хургин. В единственной городской многопрофильной больнице на 20 коек, которая в 1941 г. обслуживала 48-ми тысячное население Загорска, в стационарной помощи осталось 3 врача: 60-летняя заведующая родильным отделением Софья Павловна Гасабова, 77-летний детский врач Николай Александрович Королёв и ординатор родильного отделения Бабурина. Лечебница начала жить «не числом, а умением». С.П. Гасабову, оставив консультантом акушерской службы, перевели заведующей 55-коечного Хирургического отделения. Н.А. Королёв возглавил инфекционное отделение.

*Будникова Татьяна
Викторовна (справа)
и Гасабова Софья Павловна -
заведующая хирургическим
отделением во время войны
Фотография 1948 г.*

Позже Мособлздравотдел прислал терапевта Анатолия Ильича Гоффа. Больница пережила 5 главных врачей, которые не задерживались подолгу. Без ремонта и пополнения инвентаря, в условиях тревоги, недоедания, холода и др. неурядиц военного времени 4 лечащих врача круглые сутки обслуживали переполненную больными лечебницу. Справляться помогала самоотверженная преданность долгу, терпение и вера в Победу. В 1943 г. Горздравотдел прислал молодого детского врача Валентину Николаевну Морозову. Позже о наших бывших земских врачах Н.А. Королёве и С.П. Гасабовой она вспоминала: «Мой врачебный стаж составлял всего 3 года, но к счастью я попала в особую врачебную среду человеческой порядочности и профессионализма. Оба врача владели своим делом и знали медицину «в целом». Их сближал гуманизм к больным и персоналу. Авторитет их у населения был безупречен, а доверие полное. В их обществе невозможно было быть недобросовестным и чёрствым».

Ещё не окончилась война, как в 1944 г. С.П. Гасабовой было присвоено звание «Заслуженного врача РСФСР». Благодарный город уже после войны похоронил обоих своих старейших врачей на территории больницы. Их именами названы улицы Западного посёлка.

Война изменила и мою судьбу. Мне пришлось поработать в колхозах района, на торфоразработках в Шатурском районе, на лесозаготовке в Калининской области, пожить в землянке на нарах с клопами, переболеть малярией от укусов тверских комаров. В 1942 г. от тифа умерла моя мать, работавшая во время войны в инфекционном отделении. Закончить среднее и высшее (медицинское) образование в это непростое время мне помогла Софья Павловна Гасабова.

Светлая ей память!

Герцик-Ройзен **Эмма Ильинична** **(1929 г.р.)**

22 июня 1941 года, воскресенье. Я закончила 4-й класс, сданы экзамены, в школе им. РККА (теперь гимназия) начались каникулы. Я с родителями собираюсь в гости к бабушке и к дедушке, которые жили в Белоруссии, в Полоцком р-не. В Белоруссии я и родилась в марте 1929 года.

Отец был служащим на железной дороге, кажется, она тогда называлась Московская–Белорусская–Балтийская дорога.

А в 1932 году он получил перевод на Ярославскую дорогу, на ст. Загорск, где работал дежурным по станции до начала войны. Семье была предоставлена трехкомнатная квартира (служебная). Водопровод, электричество, печное отопление. Вокруг станции Загорск было несколько домиков служебных, но отдельных, не коммунальных, а также была ж/д баня, аптека и больница. Папа в то время (22 июня) уехал в Москву за билетами, но вернулся и сказал: «Война, никуда не поедem». Война была молниеносная, немцы быстро вторглись на нашу территорию. В октябре 1941 года немцы были очень близки к Загорску. Учебный год начался, но уроки прерывали сирены, голос радио: «Воздушная тревога, воздушная тревога!». Нас, учеников, выводили из классов 2-ого этажа школы в подвал школы. При сигнале «отбой» мы возвращались в класс.

По воскресеньям выезжали в район (кажется, Дмитровский), помогали рыть траншеи. С нами была Анна Алексеевна Игнатова, она не умела обращаться с лопатой, мы старались ей помочь. Учительница по немецкому языку, который мы начали изучать в 5 классе, была превосходной. За три года обучения у нее я получила знаний больше, чем далее, обучаясь в 8, 9, 10 классах и в институте. На чердаке школы №1 были ящики с песком, щипцы для зажигательных бомб. Нам показывали, как надо с ними бороться, тушить (когда были дежурными на чердаке).

На территории у вокзала у пакгауза стояли зенитки, которыми управляли девушки. Было несколько бомбежек района вокзала, но не очень разрушительных.

Я жила на 1-ой Рыбной улице, дом №52. За огородами - три семьи, соседи выкопали траншею, где собирались находиться во время бомбежек, обстрелов.

В эвакуацию наша семья не собиралась: мама работала в детском саду, папа на фронт был не годен (туберкулёз легких), а я собиралась пойти в партизаны, если немцы придут в город. И очень жалела, что еще очень мала, чтобы воевать.

Уже в 6-ом классе зимой нас возили в район ст. Ашукинская чистить дорогу от снега, от шоссе к лесу, где находились дрова для школы. Мы 2-3 раза ездили в лес, где нам после показали, как валить лес. На троих человек (3 девочки) была какая-то норма в кубометрах. Я ездила вместе со всеми: с пилой, с топорами обрубить ветки, пилить ствол дерева определенной длины и скидывать в штабель. Помню, что некоторое время, может быть один год, в нашей школе жили дети из Польши. Они занимали первый этаж в школе, а мы учились на втором этаже. Осенью ездили убирать картошку, летом - ворошить сено, собирали грибы и папоротник (для медицинских целей). Классным руководителем у нас была Волкова Нина Ивановна. Под её руководством собирали посылки на фронт, кто что мог (кисеты, вареники, носки), и обязательно письма, на которые бойцы нам отвечали, спрашивали как учимся, просили прислать фотографию.

Сколько было радости, когда наши войска освобождали какой-либо город. Помню, как Мария Николаевна (математик) вбежала в класс с возгласом: «Киев взят!».

В школе было тепло, в пальто не сидели, чернила не замерзали, как в некоторых школах. На большой перемене староста класса ходила с подносом, на котором лежали маленькие кусочки черного хлеба для каждого, а позднее, пол чайной ложки сахарного песка.

В школе во время войны 41-45 гг. не было уроков физкультуры, но были уроки военного дела: строевая подготовка, метание гранат (на стадионе «Спартак»), изучение винтовки - собрать и разобрать. Всё это делали с интересом мальчики, а мне это не нравилось. Преподаватели были бывшие военные, наверное, из рядового состава, после ранений.

У нас была собака «Марс» - немецкая овчарка, которую выбрали на фронт подрывать немецкие танки. Ночью 45 года, часа в 3, по радио я услышала, как было объявлено, что немцами подписано безоговорочная Капитуляция! Три дня ликования! Три дня не учились! Солнечная, теплая погода. Победа! Долгожданная победа!

Епифанова
Тамара Васильевна
(1936 г.р.)

Я, Епифанова Тамара Васильевна, родилась 11 августа 1936 года в деревне Леоново, Загорского района, Московской области. Когда началась война, мне было неполных 5 лет. Жили мы в 1-ом км от железной дороги. А в 3-х км от нас находилась станция Бужаниново, через которую проходили поезда. В 9-ти км располагался военный завод (Краснозаводск), откуда отправляли оружие на фронт. Поэтому немецкие самолеты старались разбомбить железную дорогу, чтоб уничтожить все, что везли на фронт. Я видела, как со страшным гулом немецкие самолеты прилетали и бомбили! Но им не удавалось разбомбить железную дорогу. Воронки были по обочинам. Я до сих пор помню, как маленький самолёт сбрасывал бомбы, а мы испуганно смотрели в окна. Ночью окна были затемнены, и мы в щелочку смотрели, как прожекторы ловили самолеты, а зенитки сбивали их. Но однажды немецким самолетам удалось разбомбить состав, который вёз продукты на фронт. Это было в 1-ом км от нашей деревни.

У нас семья была большая, 5 человек детей. Есть было нечего, поэтому старшие братья 12, 10 лет бегали на место, где валялись продукты, и собирали. Продукты были американские, брикеты с кашей и сухой омлет. Вот тогда казалось такой вкусной едой, потому что голодали. Это было зимой, продуктов почти не было. А когда пришла весна, то мы с ребятами ходили по полям, собирали гнилую картошку, и мама из серого крахмала делала лепешки (тошнотики), т.к. муки не было, чтобы обвалить хотя бы эти лепешки. А как появлялась зелень, то мы всё употребляли: щавель, дудки, черемуху. Потом ягоды, орехи, грибы.

*Тамаре 6 лет.
Фотография 1942 г*

В школу я пошла в 1944 г. Портфеля не было, мама из брезента сшила мне сумку, а тетради делали из бумаги серее мешков, разлиновывали и писали. Зимой было очень холодно, чернила замерзали в чернильницах. В 1948 г. мы переехали в Загорск, где я училась в школе КИМ №3. Пока мои родители оформляли дом, я жила с хозяевами дома, спала на полу, а еда моя была картошка в мундире и хлеб с маргарином. Школьной формы у меня не было, мама сшила платье из коричневой ткани (х/б). Я вставала рано утром и перед тем как идти в школу, шла занимать очередь за хлебом.

~

Иванова
Галина Николаевна
(1936 – 2013)

Позволю себе поделиться своими детскими впечатлениями (воспоминаниями) о первом дне Великой Отечественной войны - 22 июня 1941 года, 4 часа утра, когда еще вся страна ничего не знала о случившемся, так как только в 12 часов дня 22 июня 1941 года Молотов В.М. сообщил стране о том, что Гитлер объявил Советскому Союзу войну и приказал бомбить ряд наших городов, в том числе Киев, Брест и другие. А это было очень красивое время года на Украине, а точнее в Киеве: всюду цвели сады, солнечная летняя погода, очень тепло. Я с бабушкой гостила в семье своего дяди в Киеве (он кадровый военный офицер), а мои родители находились в г. Кашире Московской обл., дома. Они должны были вот-вот приехать в отпуск в Киев погостить и забрать меня домой в Каширу. Но... в 4 утра 22 июня зазвонил телефон, мой дядя быстро вскочил с постели, собрался и куда-то ушел (в свою часть). Мы жили в военных бараках, где окна на ночь закрывали ставнями. И как только дядя ушел, как нам всем показалось, началась такая страшная гроза, что старшие домашние люди никто не решился выйти на улицу. А когда открыли ставни (они закрывались с улицы), то оказалось, на улице прекрасная погода, солнце, никаких признаков грозы и не было. Мы и все взрослые не могли понять: так что же это было??? И только в 12 часов дня мы и вся страна узнала, что это было начало Великой Отечественной войны. Мне и моим родным очень повезло, благодаря тому, что дядя был кадровым офицером. Всех нас, детей, стариков и беременных женщин, эвакуировали быстро (в первую очередь). И никто из моих родственников не оказался в пекле «Бабий Яр».

*Дядя - Неручев Иван Иванович.
Фотография 1941 г.*

*Семья Ивановых: мама Мария Ивановна,
папа Николай Иванович и Галя.
Фотография 1941 г.*

В момент эвакуации была сильная бомбежка, но бабушка закрывала меня своим телом, говоря: «Пусть меня убьют, но ребенок должен жить». Это было очень странно, т.к. эвакуация происходила ночью, но от прожекторов и артобстрела было светло как днем, и немецкий самолет был в сплетении прожекторов, и мы его видели, как он сбрасывал бомбы. Но нас спасло непонятное чудо, бомба, попавшая в барак, не взорвалась. Из Киева в Каширу мы ехали целый месяц, пропускали военные эшелоны, а приехав в Каширу в октябре, я с мамой и бабушкой с оборудованием от железнодорожного депо города Кашира отправилась в эвакуацию на Урал. А папа был призван в железнодорожные войска, т.к. он был специалист, окончил в 1935 году Московский институт железнодорожного транспорта.

В этой эвакуации мы потеряли братишку 1 года 9 месяцев. Он простыл в дороге в ту суровую военную зиму и умер от воспаления легких. Состояние мамы было ужасное, т.к. полная неизвестность о муже (папе), брате (моем дяде), потеря ребенка, сибирская суровая зима, полное отсутствие денег и необходимой одежды (на нас было то, в чем мы ушли из дома в Кашире). Но это было время необыкновенных людей, сибиряков. Они нас не только приютили, но и помогали всем тем, чем могли. В эвакуации под городом Молотов (в то время) мы пробыли 1 месяц, но затем нас и всё деповское оборудование вернули в г. Каширу.

1 сентября 1943 года (переломный год в ходе Великой Отечественной войны, когда наша Красная армия пошла в наступление по всем фронтам) я поступила в начальную железнодорожную школу № 33 станции Кашира Московской обл. Но 1 сентября 1943 г. в моей памяти не осталось особой датой. Только помню, что мама купила на рынке подержанный букварь и парусиновый портфель, и вот с этими предметами мама привела меня в школу, а сама пошла на работу. Других мам было

мало. Детей приводили по 2-4 ребенка бабушки, соседки. У многих детей не было ни учебников, ни портфелей. Торжеств 1 сентября тоже не было: ни цветов, ни фотографий, ни поздравлений. А, может, и были, но не помню. Наш класс в составе 42-х детей приняла 63-летняя Заслуженная учительница РСФСР Мария Александровна Давыдова. С нами она занималась не только в учебные часы. Когда приходила вторая смена, мы освобождали класс (помещение), Мария Александровна продолжала заниматься с нами во дворе школы (если была хорошая погода), а при дожде – в коридоре школы. Спустя некоторое время на родительском собрании она сказала родителям: «За всю свою педагогическую работу я никогда не принимала таких тупых детей». Об этом мама рассказала бабушке, вернувшись с очередного родительского собрания. Ведь у нас не у всех были буквари, а тетрадей вообще ни у кого не было. Писали на старых газетах или на обратной стороне какого-нибудь старого плаката. К тому же мы были голодные. Была карточная система в стране, и все жили впроголодь.

Первая тетрадь 1944г.

После зимних каникул нового 1944 года нам в школе всем учительница дала по первой тетрадке в клеточку с образцами правописания цифр, показанными самой учительницей. Эту первую мою тетрадь моя мама сохранила на всю жизнь, как память о тех трудных военных годах. С нового 1944 года нам, всему классу в 40 с лишним человек, на перемене после 2-го урока давали по кусочку черного хлеба (1/4 часть поперечного среза буханки) с 1-ой чайной ложкой сахарного песка. Мы (дети) всегда просили горбушечку, т.к. ее можно было подольше жевать. А многие дети этот школьный паек несли домой в семью. Вероятно, тогда эта крошечка школьного пайка для дома была настоящей ценностью. Я что-то не помню, чтобы на переменках мы бегали по классам, по коридору. Или нас правильно воспитывали, или от голода мы были спокойные. Всего у нас в школе в первую смену учились: один первый класс, один второй, один третий и один четвертый классы.

Проблем с поведением учеников для учителей и директора школы Галины Ивановны Федоровой не было, и к окончанию начальной школы (т.е. 4-го класса) насчитывалось 50% отличников в классе с первого по четвертый класс. После занятий (8-12-летние дети) нас водили в поле дергать и собирать свеклу и турнепс, а зимой мы шили на фронт кисеты и писали письма о том, как мы учимся и ждем победы.

*2 класс с директором школы Галиной Ильиничной.
Фотография 1945 г.*

*3 класс с директором школы Галиной Ильиничной.
Фотография 1945 г.*

День Победы помню, так как нас отпустили с уроков. Мы были очень рады тому, что отпустили нас домой, но на улице народу было мало. А те, кого мы видели, то плакали, то смеялись почему-то. А дома меня встретила бабушка (мама еще была на работе) и очень меня целовала. Так я закончила 2-ой класс начальной школы №33.

Папа вернулся домой только в феврале 1947 г., отвоевав после Отечественной войны на западе наших границ еще и на востоке - с Японией. Мы с мамой встречали его на Ярославском вокзале. Я его за 7 лет отсутствия с нами совсем забыла - он показался мне каким-то маленьким и совсем не таким, каким я видела его на довоенных фото.

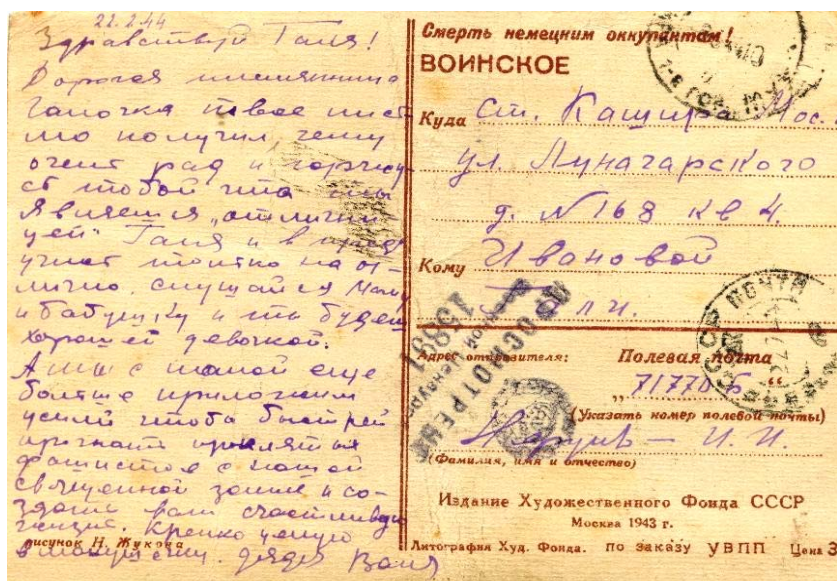
По возвращении с фронта целым и невредимым, его как дипломированного опытного специалиста направили на восстановление разрушенного войной паровозного депо станции Павелец I Рязанской области Московско-Донбасской железной дороги – начальником депо. И в октябре 1947 года со станции Кашира I мы переехали на станцию Павелец I Моск. - Донб. ж.д., где я продолжила учиться с 5 по 9 класс железнодорожной школы №21. Но это уже другая история с другими прекрасными сильными учителями, по причине военного времени приехавшими с кафедр Бакинского университета, Харьковского и Московских институтов.

Почти все выпускники нашей школы свободно выдерживали конкурсы при поступлении в такие институты как МВТУ им. Баумана, Энергетический и Авиационный г. Москвы и институты г. Ленинграда. Поступали, успешно учились, заканчивали институты и уходили квалифицированными специалистами в большую жизнь.

Я думаю, что люди моего поколения тоже могут вспомнить и рассказать немало особо запомнившихся моментов своего трудного военного детства.

Во время обучения в школе нас воспитывали на героических поступках наших современников: Зои и Шуры Космодемьянских, молодогвардейцев г. Краснодона. А когда пришло время после окончания школьного периода выбирать себе профессию, мы целыми классами подавали заявления на учебу для обучения в технические ВУЗы и с успехом их заканчивали, чему способствовало трудное военное детство, когда мы, дети, почти не видели своих родителей. Отцы были на фронте, а мамы работали, а после работы копали окопы.

А мы, дети, жили без детства, нас в семье было всего три человека: я, мама и бабушка, и нужно было вскопать три огорода в разных местах Каширы. Огородами занимались я и бабушка: вскопать, посадить картошку, собрать ее осенью, принести домой на руках, и всюду пешком, т.к. никакого общественного транспорта не было. Это были 1943-1947 годы (мне 8-12 лет). А зимой кроме основной учебы в школе была забота – чем топить печь. Уголь собирали, в основном, на железной дороге после очередного прошедшего состава с углем, благо мы, железнодорожники, жили близко к железнодорожным путям.

**Открытка с фронта от дяди Ивана Ивановича Неручева
1944г.**

Трудное военное детство не могло пройти бесследно. Оно формировало характер человека, и, говоря словами известного писателя Валентина Распутина, который сказал: «Счастье мое, что у меня было трудное детство», мы видели, что

после окончания войны был очень большой подъем душевных и физических сил у людей. И была большая любовь к созиданию. Восстанавливались разрушенные войной города, появился большой интерес к знаниям, учебе и культуре. В то время и люди, вернувшиеся с фронта, и молодое поколение с энтузиазмом работали, не считаясь ни со своим здоровьем, ни со временем, помня о том, как пришлось трудиться и на фронте, и в тылу при карточной системе и в сложных бытовых условиях.

Здравствуй мой доро-
гой папочка. Шлю я
тебе свой привет и це-
лую макушечку. Папо-
чка я посылаю тебе
открытку которую
купила мне мамочка
в Москве.
Папочка как приехала
мамочка от тебя я
стала еще хуже ску-
чат чем раньше. Па-
почка я никак не даю
дусь когда ты приедешь.
Папочка мы все живы
и здоровы, мамочка
много работает.
Папочка я учусь хо-
рошо за меня не
беспокойся. Куплю одичаю

Открытка папе
Николаю Ивановичу от Гали
1944г.

Игнатова
(Арбузова)
Надежда Григорьевна
(1930 г.р.)

Выходной день 22 июня 1941 года. Началась война. Мне 11 лет. Лето 1941 года. Немецкие самолеты пытаются прорваться в небо над Москвой. В Загорске воздушные тревоги. Мы одевались, выходили из домов и видели огоньки в небе – отблеск от выстрелов зениток, защищавших небо Москвы. 26 августа 1941 года моему отцу приходит повестка – на войну. От папы приходили довольно часто письма. Последнее он писал 2 октября 1941 года и больше ничего. После окончания войны получаем ответ на наш запрос: «пропал безвести в апреле 1942 года».

Осенью 1941 года мы с мамой шли по проспекту Красной Армии. Вдруг слышим резкий гул самолета. Он летел так низко, что были видны свастики на крыльях и голова летчика. Через несколько мгновений от самолета отделился предмет, похожие на апельсины. Затем взрывы.

Бомбы падали на участки возле домов на Первомайской (теперь Вознесенской) улице, где образовались несколько средней глубины воронок.

С середины ноября 1941 года начали работать школы. Я начала учиться в 5 классе школы №1 или РККА. В военные летние каникулы мы ходили в близлежащие колхозы. Пропалывали грядки с овощами. В 1943-44 учебном году нас, семиклассников, посылали на заготовки дров в район Семхоза. Мы сгибали средних размеров березы, распиливали их, и один раз на санках отвозили в школу.

В школе была организована «Тимуровская команда», которая помогала пожилым женам и матерям фронтовиков. Ходили в госпиталь, расположенный в Лавре, с номерами художественной самодеятельности, писали и читали письма раненым, помогали ухаживать за ними.

Жизнь в школе была интересной. Работали кружки: драматический, физкультурный, но всегда хотелось есть.

В школе нам выдавали по маленькому кусочку черного хлеба, очень редко, посыпанного сахарным песком.

1945 год, 9 мая.

Конец войны.

Радость! Праздник «со слезами на глазах», так как почти каждая семья потеряла близких.

**Карпова
(Нестерова)
Валентина Васильевна
(1934 г.р.)**

Я, Карпова Валентина Васильевна (Нестерова), родилась в Загорске в 1934 году в многодетной семье. Отец, Нестеров Василий Герасимович, работал на заводе №6 школьного приборостроения. Мама, Нестерова Агрипина Михайловна, домохозяйка, как мать героиня награждена Орденом Материнская слава II степени.

Семья состояла из 11 человек. Родители и девять человек детей. Шесть мальчиков и три девочки. Жили скромно и дружно, никогда не спорили, кому что делать. Ходили в лес за дровами всей гурьбой, за грибами и ягодами.

Когда началась ВОВ, мне было семь с половиной. В июне 1941 года наша семья провожала на войну старшего брата 18-ти лет, который в 1942 году погиб под Ржевом. А в октябре 1941 г. на операционном столе умер отец, ему был 51 год. Мама осталась одна, сама девятая. Как жить и на что жить?

Братья, одному 16 лет, другому 15 лет, устраиваются на работу на завод № 6. В 1943 году уходит на войну следующий брат, ему только что, в январе, исполнилось 18 лет. А в марте 1943 года умирает от туберкулеза следующий брат в возрасте 17 лет (во время лечения умер в санатории, где находился несколько месяцев). Осталось два младших братика 12 и 13 лет. Пошли работать в сапожную артель наши кормильцы.

*Валентина Нестерова
1 сентября 1944 г.*

В 1944 г. от болезни, голода и холода умерла маленькая сестренка семи лет. Живем впроголодь, хоронить не на что. Кто-то из соседей принес ведро картошки и сто рублей денег.

1942 г. я пошла в первый класс, трудно представить, одно пальтишко на троих и босые ноги. Питались очень бедно, хлебушек по карточкам давали по 300 грамм, а маме вообще 250 грамм т.к. она не работала на производстве и считалась иждивенкой. А за этим хлебушком надо было вставать в такую очередь! Мы жили на Комсомольской, теперь Вифанской (да я и сейчас тут живу), а магазин, к которому мы были прикреплены, находился на проспекте, недалеко от тюрьмы. Я туда ходила сама, так как мне было 8-10 лет, я была большая - у меня и карточки, и деньги в кошельке. А один раз у меня украли кошелек с карточками. Я ревела и боялась идти домой. Но моя мама, умничка, не ругала, а уговаривала.

Было очень тяжелое время, но мы всегда верили в Победу.

*Валентина Нестерова
Ученица 3-го класса.
Фотография 1945 г.*

~

Квашнин

Николай Григорьевич

(1934 г.р.)

Родился я в 1934 г. на хуторе Ленинский. До революции он назывался хутор Русанов (по имени панов, владельцев земли). Прадед арендовал у него до революции 170 десятин. А деда после революции раскулачили в 1930 г. и отправили с бабкой в Сибирь. Дед помер в 54 года через 3 месяца после того, как вернулся с Урала из ссылки, а бабушка дожила до 82 лет. В ссылке отец отца пробыл 6 месяцев. В этом хуторе я пошёл в школу. 1-ый класс я окончил в 1942 г. Осенью 1942 года нас окружили немцы. При немцах я 2 месяца ходил в школу, учил Закон Божий. Преподаватели были наши. Сентябрь-октябрь мы с братом ходили в школу, затем отец нас посадил дома. В феврале 1943 г. нас освободила Советская Армия (левый берег реки Кубани), а правый берег реки был под немцами. Линия фронта проходила по реке Кубани. Я был в оккупации с августа 1942 г. по март 1943 г. предателей было больше одного взвода. Это, в основном, чеченцы и ингуши.

В марте 1943 г. мы переехали в другую станицу, и я там закончил 4 класса начальной школы. В 5-ом классе я уже учился в другой школе и каждую субботу ходил домой пешком 18 км. У нас там было очень много волков, ходить было очень страшно. А нужно было пройти 12 км, а 6 км – это был наш хутор. Летом я ездил на велосипеде, а зимой частично ходил пешком, а затем жил у дяди. Там и встретил вместе со всеми незабываемый, радостный День Победы.

Ларионова
Людмила Ивановна
(1938 г.р.)

В годы отечественной войны наша семья жила в с. Карабаново Александровского района, это в 100 км от Москвы. Жили мы в 3-х этажном кирпичном доме с печным отоплением и водой из колодца, стоявшего во дворе. Наш дом находился почти рядом с железнодорожным вокзалом, а всего в 10 км находился город Александров – крупный железнодорожный узел. Поэтому мы часто видели эшелоны с крытой брезентом техникой, военными, ранеными, проходящие мимо дома армейские колонны.

Мой отец, Шамшин Иван Федорович, на войну был призван рано. Его боевой путь артиллериста проходил через финскую и Отечественную войны. Он награжден многими боевыми орденами, в том числе Красного знамени, Великой отечественной войны I и II степени, орденом Александра Невского, и др. А тогда, в детстве, я запомнила его (больше по фотографии) - красивым, высоким, в командирской гимнастерке и с планшетом на боку.

Однажды, впереди одной проходящей у дома колонны, я увидела «своего папу», и с криком «папочка, мой папочка» побежала вдоль колонны. Командир взял меня на руки, поцеловал, а я его обняла и всё твердила «папочка». Так и нёс он меня на руках впереди всей колонны мимо дома. Кто-то из солдат передал ему набор детских кукольных тарелочек. Он поцеловал меня, поставил с подарком на землю. Радости моей, что увидела папу, не было предела. Я не понимала тогда, что обозначалась, я была горда собой, что встретила и проводила «папу». А он ни словом не обмолвился, что я ошиблась. Какая великая душа была у тех людей!

Над нашим домом часто пролетали груженные бомбами немецкие самолеты бомбить Александров. Во дворе дома стоял столб, на нем закреплен отрезок рельса, и дежурный ударами по нему извещал всех о налете. Недалеко от дома за колодцем был вырыт большой окоп, в котором жители прятались от бомбежек, однако сбросив бомбы, самолеты, иногда так низко пролетали, что мы видели лица пилотов, они стреляли очередью вдоль окопа. Мы очень боялись их и в окопе копали себе боковые норки, чтобы лучше спрятаться.

Дети с третьего этажа дома не всегда успевали добежать до окопа, кричали и плакали от испуга. Кто-то из взрослых, желая нас успокоить, пошутил, что если не успеваешь добежать и спрятаться, то ложись на землю, или сними штаны и покажи немцу попу. Эта хулиганская шутка стала нашим «спасением». Детвора быстро «вооружилась» советом, и наш страх и слезы превратились в детское противостояние и презрение Гитлеру. Эта шутка спасла нас от нервного напряжения.

Наша мама работала инженером на ткацкой фабрике, работала много, а я со старшей на 2 года сестренкой были в круглосуточном детском садике. В выходной день мама сажала меня в детскую коляску с плетеным из прутьев верхом, брала топор, и мы ехали в ближайший лесок, где она обрубала края пеньков, а я собирала их и шишки для самовара. Это были дрова для нашей печки. В доме было холодно, спали все в одной кровати.

Однажды на прогулке в детском саду моя сестренка потеряла сознание. Оказалось, она заболела малярией. Потом долго к нам домой приходила «тетя» и заставляла ее глотать горькие таблетки. Иногда матери уходили по деревням менять вещи и одежду на муку и картошку. Когда они возвращались домой, был праздник: в самоваре варили по целой картошине каждой и пили вкуснейший «картофельный» чай.

Всю осень до снега и весной мы, ребяташки, ходили по полям в поисках мельчайших картошечек. Иногда мама делала лепешечки из картофельных шкурочек, жмыха, и углей. Летом стало легче, мы собирали лебеду, крапиву, «столбики» полевого хвоща, молодые побеги елок и сосны, дудки, жевали вар, который находили около госпиталя, ходили за ягодами и грибами.

За грибами мы ходили гурьбой мимо лагеря военнопленных немцев. Когда мы впервые увидели колонну пленных немцев, нашей ненависти не было предела: мы махали кулаками, кричали, обзывали их разным словами, бросали землей и камнями, но взрослые хорошо их оберегали – нас отгоняли и призывали к порядку. Детская душа отходчива, жалость и любопытство быстро взяли верх. Когда из леса мы возвращались мимо лагеря военнопленных, они всегда просили есть, мы кормили их через щели в заборе сыроежками. Мы удивлялись, что они их глотали прямо сырыми.

Когда сестренка пошла в школу, у нас случилась беда. Однажды прибежали ребята и сказали, что она ослепла и не может дойти до дома. Я тогда очень испугалась. Это была, как говорят, «куриная слепота», когда от голодания и авитаминоза человек теряет в сумерках зрение.

Еще с одной напастью приходилось постоянно бороться – вшами. Ежедневно частым гребнем вычесывали головы, головы ежедневно осматривали и санитарные тройки в школе, и санитары по дому. Головы обрабатывали и дустом, и керосином, и уксусом, и полынью, в морозные дни для дезинфекции одежду выносили на улицу, весь двор дома пестрел от расстеленных на снегу одежды и одеял.

И ничего не пропадало! А еще я с большой теплотой вспоминаю доброту и внимание людей к нам, детям. В нашем подъезде жила старенькая женщина. Когда она видела нас на улице мокрыми от снега или от дождя, замерзшими, она заводила нас к себе домой, сушила нашу одежду и обувь у печки, поила нас горячим чаем, ведь с работы наши матери приходили поздно.

В нашем доме жил после тяжелого ранения в ногу боец. Он летом часто усаживал нас, детвору, во дворе и читал сказки, много рассказывал и чинил нашу допотопную обувь, у кого она была. Летом мы, в основном, бегали босиком или в тапках, связанных из отходов ниток. Одежда у большинства детей тоже была неважная, нам мама мастерила ее сама, перешивая свои и папины вещи.

Я часто думаю: как же тяжело пришлось нашим матерям в годы войны! Работа до изнеможения, дети, голод, нищета, ожидание вестей с фронта и тревога за близких, карточки на хлеб, дефицит мыла, отсутствие лекарств и т.д. А ведь нашей маме в то время было всего-то 30 лет! А она осталась в войну одна с тремя малолетними детьми на руках! Самая младшенькая из нас умерла в круглосуточных яслях от инфекции.

За свой труд мама была награждена медалями. Папа вернулся с войны весь в орденах и с пулей в легком, которую ему не решались удалять до конца его жизни.

Матысяк
Людмила Андреевна
(1935 г.р.)

Когда началась война, мне было 6 лет. В это время я была в деревне Калинино Александровского района (вблизи от станции Балакирево), где мой дедушка работал директором школы.

Наша семья из трех человек (папа, мама и я) жила в Загорске. Впервые дни войны папу призвали в армию и отправили на фронт замполитом роты. Он даже не смог попрощаться со мной.

Мы с мамой остались одни. Город часто бомбили. Однажды мы с подружкой играли в песочнице и не слышали, что гудит сирена и объявлена воздушная тревога. Вдруг прибегает мама вся в слезах, так как долго не могла меня найти. Немцы подошли к Москве, Дмитрову, и до нас осталось недалеко. С семьями офицеров они расправлялись очень жестоко. Нам было очень страшно. В это время в Александрове семья папиного брата, который тоже был на фронте, решили ехать в эвакуацию и нас позвали ехать с ними. Эвакуировался Александровский радиозавод, а к нему прицепили один вагон от военкомата с семьями военнослужащих. Поезд был товарный, все ехали в вагонах-теплушках. Ехали целый месяц до г. Петропавловска в Северном Казахстане, так как дорогой много стояли, пропуская военные эшелоны. Несколько раз над нами летали немецкие самолеты. Один самолет послал пулеметную очередь по поезду. От самолетов мы бегали прятаться в лес, который тянулся вдоль железной дороги.

*Андриановы:
мама Елизавета Петровна,
папа Андрей Николаевич и
Люда.
Фотография 1942 г.*

В Петропавловске мама работала на радиозаводе, а я ходила в детский сад. В конце февраля пришло письмо от папы из госпиталя. Он был тяжело ранен в голову. Мы очень плакали, жалели папу и беспокоились об исходе лечения (он мог остаться инвалидом). Мама стала хлопотать о разрешении вернуться домой. К этому времени немцев от Москвы уже отогнали. Документы (пропуска) оформлялись долго, и в Загорск мы вернулись только в апреле. Папа был уже опять на фронте. Но в июне его снова ранили, а в госпиталь он попросился в Загорск и лежал в Лавре, где потом был учительский институт, а сейчас музей духовной академии. У него было тяжелое ранение в грудную клетку, с нагноением, воспалением и высокой температурой. Осколок в легких остался у него до конца жизни.

Когда мама уходила на работу, я бежала к папе в госпиталь. В первое время у него были очень тяжелые перевязки, после которых ему было плохо. Я старалась помогать папе, чем могла. Но постепенно раны подживали, и папа набирался сил. Я проводила в госпитале почти целый день. И персонал, и раненные ко мне привыкли, а часовой при входе (пожилой мужчина, у которого, наверно, были дети) всегда отдавал мне «честь». Я и потом его встречала на улице и здоровалась, а он отдавал мне «честь».

Так прошло лето. В августе отца выписали из госпиталя и опять отправили на фронт. А я 1-го сентября пошла в школу в 1-й класс начальной школы №4 (на Вальной улице). Школьники, как и взрослые, старались, чем могли помогать фронтовикам. Мы рисовали картинки, вышивали носовые платки, шили кисеты, писали письма и посылали посылки на фронт. Мне даже пришла открытка с благодарностью от солдата, которому досталась моя посылка.

В годы войны, в основном, люди жили в большой нужде, особенно многодетные семьи, так как отцы были на войне, а одной маме прокормить несколько детей было очень трудно. Минимальное количество продуктов и промтоваров продавали по госцене в магазинах по карточкам, но этого не хватало, чтобы поесть досыта. Недостающее можно было купить на рынке, где все было очень дорого.

В школе нас немного подкармливали – в большую перемену нам за 5 копеек давали по кусочку черного хлеба (1/4 часть ломтя, отрезанного поперек буханки толщиной около 1 см). После школы мы сразу бежали в магазин, чтобы занять очередь, а когда привезут, купить продукты по карточкам.

День Победы застал меня в деревне Калинино у бабушки с бабушкой, так как в 3-м классе я училась там. Помню, как радовались все взрослые, узнав о конце войны, спешили передать новость один другому, поздравляли друг друга, а потом устроили общий праздник на улице. Но те, у кого близкие погибли, радовались со слезами на глазах, потому что ждать им было некого.

А моя мама о конце войны узнала в Загорске, и они с подругой поехали в Москву. Она много раз вспоминала и рассказывала, какое ликование было там. Все стремились в центр города, где собралось огромное количество народа. Незнакомые люди поздравляли друг друга, обнимались. Кругом были счастливые лица, звучал смех, пение, музыка (кто-то шел с гармонью, кто-то с аккордеоном), а вечером красочный салют под всеобщее ликование и многоголосое «Ура!».

Молчанова
Алла Николаевна
(1931 г.р.)

1941 год, 22 июня. Солнечный теплый день. Мы жили на Южном поселке. Мама пришла из города и сказала, что началась война.

Наш поселок только начал обустраиваться. В нём было домов 10, и то недостроенных. Мирная жизнь нарушилась. Многие мужчины ушли на фронт с первого дня. Папин брат тоже в первый день взят на фронт.

Кто остался дома - рыли окопы вокруг города. Но мама была надомницей, шила военное белье (7 рубашек или кальсон в день). Мне было 10 лет, а брату 8 лет. У нас был участок 12 соток: сажали картошку и все овощи. Для нас мама сажала горох, бобы, репу. И когда хотелось кушать, мы шли в огород. Осенью 1941 года немец бомбил Москву. И видно один самолет прорвался на наш город, летел самолет очень низко и стрелял.

Я видела фашистский знак, который у меня до сих пор в глазах. В это время фашист бомбил вокзал.

Мы в войну с братом воспитывались в труде. Копали землю, собирали колосья ржи, которые в землю вращали. Знали, где турнепс растет для скота. Мы украдкой рвали его. Он казался очень вкусным. В войну мы дружили семьями, у всех были дети. Узнавали, у кого рубят капусту, приходили есть кочерыжки.

Мама у нас была великой рязанской труженицей. Ходила менять по деревням кое-какие вещи на картошку. У нас была коза и курица. Мама по кустам жала траву, а я с братом носила, сушили сено.

Лесник отводил делянку в лесу с сухим лесом. Мама, я и брат зимой ездили с санками за дровами. Пилили, кололи с братом. Я и брат помогали бабушке колоть дрова, пилить, чистить канаву. Бабушка помогала маме шить белье, когда мама уезжала в деревню,

Мы жили очень дружно. Бабушке давали картошку, овощи, молоко. Тетя работала корректором в газете «Правда» в Москве. Из этой газеты мы узнавали все новости о войне. У бабушки в доме стояли несколько дней бойцы из Сибири.

Папа у нас был эвакуирован в г.Вятские Поляны со Скобянкой. От завода он жил за 7 км. Ходить было далеко. Ему разрешили ночевать прямо в цехе. Папа был отличным мастером. Он обучал много молодых ребят. Папа просился на фронт, но ему отказали, так как на заводе нужны были мастера - выпускать военную продукцию. Все карточки отоваривала я. Мама получала хлеб 600 грамм, дети по 400 грамм, иждивенцы по 300 грамм. В основном все продукты отоваривали сухим молоком. Самым тяжелым временем года была весна. Приходилось есть мороженую картошку - кто-то нам её отдал. В это время овощей и ягод не было.

В войну была светомаскировка, мы один раз не закрыли окно, сразу пришел участковый.

Ходили в лес за малиной, пили чай с ней. Около нашего поселка были заграждения против танков - «ежи». Когда мы шли утром в школу, мама старалась нас чем-нибудь накормить. Но счастье наше было в том, что у нас не было немцев. От школы в войну нас посылали в лес дрова пилить. Мы от корня пилили деревья. Собирали сучки.

Посылали картошку копать, пололи летом морковь, свеклу, все овощи в колхозе.

Как война закончилась, я не помню. Я очень сильно болела, меня из шестого класса в седьмой перевели без экзаменов.

Назаров
Геннадий Алексеевич
(1927 г.р.)

В Загорск наша семья приехала из Сибири в 1933 году и поселилась во 2-м Доме Советов (сейчас это проспект Красной Армии дом 140/1). Отец работал в Москве в тресте «Золоторазведка» по специальности «топограф», а летом в течение 8 лет находился в командировках в Сибири. Мать работала бухгалтером в ЖАКТЕ-2 (жилищное акционерное товарищество). В 1941 году я окончил 7 классов средней школы №4 на улице Кирова. Примерно в августе нас, «старшеклассников», собрали в школе и объявили, что всех мобилизуют на подсобные работы в городе. Первое, что нам поручили – это переместить школу с улицы Кирова на улицу Маркса в здание Трикотажной фабрики (где сейчас размещается лицей). Мы грузили на автомашину и потом разгружали столы, стулья, парты, оборудование кабинетов и т. д. В школе создавался госпиталь. Там также пришлось разгружать автомашины с больничной мебелью и оборудованием и расставлять его по классам и кабинетам, превращая их в палаты.

*Дети, 2-го Дома Советов.
Фотография 1939 г.*

Потом нас посылали строить полевой аэродром (на месте теперешней ЦРБ). На стройке работали (как говорилось) 5 автомобилей, 50 конных повозок и 500 человек с лопатами. За три дня было расчищено и выровнено поле. Но практически я не помню, чтобы на нем садились и взлетали самолеты.

Позже нас привлекли к дежурству на крыше нашего дома в помощь силам МПВО. Хорошо запомнилась одна из ночей, мы видели, как по небу шарили лучи прожекторов, и в одном из них мелькнул искрой немецкий самолет. Тотчас со всех сторон собрались в перекрестья много лучей. Видны были вспышки взрывов зенитных снарядов и, наконец, самолет вспыхнул и упал. В одну из ночей на город налетел немецкий самолет и высыпал мелкие «зажигалки». Несколько их упало на крыши домов, в том числе и на нашу. Мы сбрасывали «зажигалки» на землю или гасили их в воде и песке. На мою долю досталось две штуки.

Город несколько раз подвергался дневным бомбежкам одиночными самолетами. Немцы с самолетов сбрасывали листовки о том, что священный город они бомбить не будут, а только железнодорожный узел, где шли разгрузки воинских эшелонов. Одну из таких листовок я подобрал в районе горы Блинной. Принес ее домой. Когда ее увидела мать, то мне крепко всыпала и листовку уничтожила.

Хорошо помню две бомбежки, которые я близко видел, так как мы, мальчишки, были очень любопытные и при начале бомбежек бежали в район вокзала, чтобы все увидеть. Одна бомба упала на частный дом в начале Рыбной улицы, в сарае которого держали свиней. Несколько свиней были разорваны бомбой, и наиболее хваткие соседи похватали куски мяса.

Во время другой бомбежки одна бомба упала между путями у конца платформы в сторону Александрова. Ее хвост торчал из земли, и нам было очень интересно подойти поближе, но наряды милиции и солдат быстро оцепили место падения и нас разогнали. На вокзале разгружались войсковые эшелоны. После высадки солдат из теплушек мы часто бегали по пустым вагонам и собирали свои «трофеи», часто попадались солдатские ремни, портсигары, кисеты, очень много было рассыпанных патронов. У меня собралась «коллекция» пуль, раскрашенных в разные цвета (обычные, трассирующие, зажигательные, бронебойные и другие). Кто-то нашел под нарами штык-нож от автомата.

После какой-то бомбежки я подобрал осколок бомбы величиной с ладонь и долго его берег в эвакуации. Солдаты после разгрузки размещались в частных домах в районе улиц Кировской, Штатной и других. На Кировской председателем «Уличкома» была Л. Д. Пугачева, мать моего приятеля Мити, и мы часто помогали ей разводить солдат по домам.

Подошла зима, наш 2-й Дом Советов имел интересное отопление. В подвале были четыре огромные печи, которые днем топились дровами. По окончании топки закрывали дымоходы и открывали внутристенные каналы, по которым шёл горячий воздух и через лючки входил в квартиры, нагревая жилые помещения. Но в 1941 году дрова не были завезены, дровяной двор был пустым, и жильцы перешли на самообслуживание: кто установил железные «буржуйки», кто сложил кирпичные «камелки». Мы с братом несколько раз на саночках привозили дрова из ближних лесов. В стране была введена карточная система на продукты и промтовары. Но в магазины привозили продукты нерегулярно и понемногу. Мы рано утром бежали в магазин занимать очередь. Номера очереди писались на ладонях химическим карандашом, и мы их берегли, чтобы не стерлись при переключках и входе в магазин.

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
УПРАВЛЕНИЕ НКВД
по
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ПРОПУСК
(действителен при предъявлении паспорта)

Разрешается гр. Назаровский Анатолий
Дмитриевич 1905 г.
(фамилия, имя, отчество, год рождения)

работающему
в качестве инж. муржа
въезд и временное проживание в Алтай АССР
(указать точно название города, села, деревни, название, в состав какой республики)

срок по 16 июля 1942 г.
(дата и месяц пишутся полностью без сокращения)

Цель поездки к семье

№ паспорта 41-РТ-635203
(указать кем и когда выдан)

Начальник о/милиции
Давыдов р/о УНКВД МО

Зарегистрирован „ „ 194 г.

Подпись

Данный пропуск дает право только
пересечь границу через стан-
цию (пункт) Б-Кедр
в течение 16 суток (населен-
ные пункты, в которых про-
пуск должен быть
предъявлен).

Подпись
владельца
пропуска

Печать

П Р А В И Л А

1. Лицо, получившее пропуск на въезд в запретную пограничную зону или пограничную полосу и не могущее по каким-либо причинам выехать, обязано: в городах—в течение двух суток, в сельских местностях—трех суток, вернуть пропуск органу РК милиции его выдавшему.
2. Лица, получившие пропуск на въезд в запретную пограничную зону или пограничную полосу, обязаны, не позднее 24 часов с момента прибытия в пункт, указанный в пропуске, явиться для регистрации пропуска и прописки паспорта в ближайший орган РК милиции, а при выбытии явиться в этот же орган для отметки о выбытии.
3. Если в пункте пребывания лица, получившего пропуск, нет органов РК милиции, пропуск предъявляется для регистрации, а паспорт для прописки в тот же срок председателю сельсовета на территории.
4. По возвращении к месту постоянного жительства, пропуск подлежит немедленному возвращению органу РК милиции, его выдавшему.
5. Лицо, прибывшее в запретную пограничную зону или в пограничную полосу, имеет право проживания только в том населенном пункте запретной пограничной (полосы), который указан в пропуске.
6. Лицо, утратившее пропуск на въезд в запретную пограничную зону или пограничную полосу, обязано подать об этом письменное заявление органу РК милиции, передавшее свой пропуск с указанием обстоятельств утраты.
7. Лицо, въехавшее в запретную пограничную зону и в пограничную полосу без разрешения органов РК милиции, передавшее свой пропуск другому лицу, а равно уклонившееся от регистрации выданного пропуска,—подлежит ответственности по закону от 7 сентября 1937 года (С. З. 1937 г. № 59 ст. 251).

Депутат Семмадин 1927
Владимир 1930
Медведев 1937

Пропуск для проезда по железной дороге во время эвакуации 1941г.

В конце 1941 года мать сделала попытку уехать с нами в эвакуацию. По вызову отца был оформлен пропуск на проезд по железной дороге. Мы несколько дней просидели на Ярославском вокзале в надежде попасть в какой-нибудь сборный эшелон, но не смогли и вернулись домой.

В феврале 1942 года отец через Наркомат цветных металлов сумел получить для нас место в Наркоматовском эшелоне, и мы в теплушке дней десять ехали до Челябинска, где пересели в поезд до Новосибирска, где был Наркомат. Отец за это время сумел оформить перевод из «Якутзолото» в «Уралзолото», и мы теперь всей полной семьей приехали в город Пласт, на Южном Урале. Я пошел доучиваться в 8-й класс, по окончании которого поступил на работу на золотой рудник, как малолетка - только на поверхности.

По договоренности с администрацией и школой я работал с 8 утра и к 15 часам бежал в школу на второй урок. Таким образом, я окончил 9-й класс, сдал экзамены экстерном за 10-й класс в Челябинской школе взрослых и в 1944 году поступил на 1 курс Челябинского Машиностроительного института. Так закончились мои военные трудовые годы. В марте 1943 года вступил в Комсомол.

*Урал – 9 класс после игры в волейбол.
Фотографии 1944 г.*

*Комитет ВЛКСМ школы №10 г. Пласт Челябинской обл.
Фотография 1944г.*

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОМУНИСТИЧЕСКИЙ
СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

№18407241 *

Фамилия Назаров
Имя и отчество Теннадий Алексеевич
Год рождения 1927
Время вступления в ВЛКСМ Март 1943
Наименование организации,
выдавшей билет Кочкар-
ский РК ВЛКСМ
Личная подпись Назаров
Секретарь Гайкоша
4 мая 1943 года

1947

льскому билету № 18407241
ленских взносов за 1947 г.

	Месич- ный за- работок	Членск. взнос	Подпись секретаря
Январь	440	8-80	<u>Назаров</u>
Февраль	440	8-80	<u>Назаров</u>
Март	440	8-80	<u>Назаров</u>
Апрель	440	8-80	<u>Назаров</u>
Май	440	8-80	<u>Назаров</u>
Июнь	440	8-80	<u>Назаров</u>
Июль	440	8-80	<u>Назаров</u>
Август	440	8-80	<u>Назаров</u>
Сентябрь	460	9-20	<u>Назаров</u>
Октябрь	460	9-20	<u>Назаров</u>
Ноябрь	460	9-20	<u>Назаров</u>
Декабрь	440	8-80	<u>Назаров</u>

Пришлось работать не столько из-за маленькой зарплаты, сколько из-за карточек. По рабочей продуктовой карточке давали хлеба, круп, жиров и др. примерно в два раза больше, чем по школьной.

Впоследствии за работу 1942-44 гг. был награжден медалью «За доблестный труд в Отечественной войне». Окончание войны встретил я в Челябинске. 8 мая преподавательница вошла в аудиторию и сказала, что услышала из Лондона о капитуляции Германии. Мы сорвались с лекции. 9 мая было официально об этом объявлено по советскому радио. Народ, ликующий, вышел на улицы.

Наумова
Галина Михайловна
(1929 г.р.)

Я родилась 29 июня 1929 года, в Сергиевом Посаде на территории Лавры. Детство наше закончилось 22 июня 1941 г. в воскресенье, в 10 часов утра. В нашем доме жило 14 семей. В первые дни за одну неделю все наше мужское население ушло на фронт. Папа мой работал в Москве, поздно приезжал и уходил в военкомат дежурить. Утром опять в Москву. Потом работал в Наро-Фоминске, Серпухове.

22 февраля 1942 года приехал домой переночевать, а 23 февраля мы его проводили до электрички, был сбор на вокзале. И больше мы его не видели. Последнее письмо получили 8 марта 1942 года. Поздравление, адрес п.с. 38/в.ч. 1326 ст.п. Химвзвод.

В 1942-45 гг. я работала в Институте игрушки. Цех мягкой игрушки. Посылали нас в Семхоз валить лес. Норма 2 куб.м. на человека. Зима, холодно, голодно. Мы уже получали хлебные карточки - 600гр. Не всегда выполняли норму, но нам прощали. А весной и летом завалы расчищали. Выжили.

*Институт игрушки. Цех мягкой игрушки.
Фотография 1942-45г.г.*

Город наш бомбили – железнодорожную станцию. Видела два раза это чудовищное зрелище. Такой грохот – зарево страшное. Осенью пролетал над Лаврой немецкий самолет. Так низко, что были видны черные кресты и черную голову пилота. Улетел в сторону вокзала. Видела солдат – говорили, идут на Дмитров. Высокие, молодые, но измученные. Все женщины плакали.

В 1941 году закончила 4-й класс. Училась в вечерней школе, закончила 5-6 классы. В первой начальной школе был отличный преподаватель русского языка и истории - Волков. В учительской располагался госпиталь. Нас, 4-5 человек, пропускали к раненым. Мы на сцене стихи читали, пели старинные песни, плясали. В общем, делали, что могли. А как узнали, что закончилась война, сколько было криков, шума, смеха. Прибежали к Троицкому собору. Там на ступеньках сидел парень играл на баяне, пел военные песни.

Моя семья – бабушка 82 г., мама инвалид 2 гр. и я.

Немкова

Лидия Александровна

(1933 г.р.)

Война! На нашу страну вероломно напали немцы. Это страшное известие я услышала, когда мне было 7 лет. Наша жизнь резко изменилась.

Я с мамой и бабушкой тогда жила в Москве, в Лефортово. На нашей улице были небольшие одно- и двухэтажные дома дореволюционной постройки. Во дворе нашего дома соорудили бомбоубежище. У моей бабушки были еще 3 внука и внучка. У каждого был заготовлен рюкзачок. Одевали теплую одежду и бегали в бомбоубежище, когда объявляли воздушную тревогу. Там находились до объявления отбоя воздушной тревоги. После этого мы ходили по дворам и собирали осколки от снарядов.

С первых дней войны была введена светомаскировка, а также все стёкла в рамах окон были оклеены накрест полосками из ткани.

Вскоре была введена карточная система на продукты. Летом сажали картошку (выделяли участки в Подмоскowie). Ощущение голода было постоянно.

В 1941 г. школы в Москве не работали, т.к. часто были бомбежки. Летом 1942 стали записывать детей в школу (тогда учились с 8 лет). Записали моего двоюродного брата (ему уже было 9 лет), а меня почему-то решили не записывать. Пришел брат из школы и рассказал, что на завтрак давали вкусные пироги. Я взяла бабушку за руки и попросила меня тоже отвести в школу. Так я начала учиться в школе №417 (Первомайский район города Москвы). Учиться во время войны было очень трудно. Не было самого элементарного: тетрадей, бумаги, карандашей. Чернила носили из дома в непроливайках. Учебники выдавали - один на 3-4 человека.

На следующий учебный год было принято решение о раздельном обучении мальчиков и девочек. Школа №417 стала мужской, а девочек перевели в школу №408 (это было дальше от дома). Ввели школьную форму. Но купить что-либо из одежды или обуви было трудно, всё отпускалось по ордерам.

С 1943 г. наша Красная Армия успешно продвинулась на запад.

И вот, наконец, наступил май 1945 года.

Ранним утром, 9-го, я проснулась от стука молотка по стене нашего дома. Это прибывали держатель для флага. Мама мне объяснила, что наступила долгожданная Победа. Вечером 9 мая 1945 года был необыкновенно красивый салют.

Еще до окончания войны начали восстанавливать разрушенное. На некоторых стройках в Лефортово работали пленные немцы.

Трудные годы Великой Отечественной войны никогда не уйдут из нашей памяти.

Пикалева
Нина Ивановна
(1930 г.р.)

Я родилась и выросла в Загорске. Несмотря на то, что на начало войны мне было всего 11 лет, хорошо помню её начало. Мы с мамой ходили на рынок. Когда возвращались домой, нам встретился наш знакомый и сказал: «Война!». Все, кто это услышал, побежали в магазины и палатки. Через три часа сестренка пошла купить каких-то продуктов и ничего не нашла кроме чая в пачках. Полки в торговых точках были пустыми.

Дальше началось то, что можно назвать кошмаром. Мама работала на Трикотажке, дома появлялась только на ночь. А ночью мы ходили в лес за дровами, чтобы не замерзнуть. Я днем искала работу по соседям. Мыла полы, носила воду. И все это за стакан пшеницы, или за отруби, которые считались хорошей пищей.

Мама получала по карточкам 400 грамм хлеба в день. Это конечно не блокадные граммы, но их тоже не хватало. Мы с сестрой ждали приход мамы, надеялись на хлеб. Она приносила немного оставшегося мякиша. Тоже была голодная. Еще помню, как по Комсомольской ходили солдаты и постоянно везли раненых.

A decorative flourish or signature mark, consisting of a single, elegant, horizontal wavy line.

Потапов
Юрий Николаевич
(1927 г.р.)

БЕЖЕНЦЫ

Летом 1941 года через наш город по Ярославскому шоссе потянулись беженцы. Сначала поодиночке, малозаметные среди прохожих, а потом толпами. К осени нескончаемым потоком шли и шли изнурённые люди, придавленные горем. Совсем маленьких ребятишек несли на руках, а те, что побольше, держались за юбки матерей. Все несли или везли нехитрую поклажу. Иногда через город прогоняли колхозные стада коров из Белоруссии, потом из Смоленщины. Бурёнки тоже были голодные и измученные как все беженцы.

Чем ближе к Москве прорывались танки Гудериана, тем больше становилось беженцев. Люди уходили от войны с насиженных мест, бросали дома и всё имущество. Они бежали от грозной надвигающейся беды, не думая о том, что будет впереди. В пути они столкнулись с новой бедой - для них никто не готовил пищу и ночлег. Особенно тяжело было смотреть на чумаzych ребятишек, которые, чувствуя всеобщее людское горе, уже не плакали и не хныкали, не просили хлебушка...

В конце августа и в сентябре, когда войска Вермахта начали сжимать Москву в гигантские клещи, в поток беженцев влилась дополнительная волна москвичей. В большинстве это были особые беженки. Они ехали на машинах, иногда целыми семьями. В основном это были евреи, напуганные зверствами фашистов.

Всё мало-мальски трудоспособное население нашего города, в основном домохозяйки, работали на оборонительных укреплениях. Однажды возвращались бабы с общественных работ и на центральной улице увидели беженку с тремя ребятишками. Совершенно обессилив, она опустилась на дорогу прямо в пыль. Глядеть на неё без сострадания было невозможно. Другие беженки, придавленные своим горем, обтекали несчастную с обеих сторон.

В это время полуторка, пробиваясь сквозь толпы беженцев, подавала длинные гудки. Кузов автомашины был доверху нагружен домашним скарбом, а поверх всего торчал развесистый фикус. В толпе женщин кто-то проговорил негромко:

- Бегут, сволочи, с фикусом, окопы рыть не хотят.

Это явилось сигналом. Обозлённые бабы бросились вперед и вмиг окружили автомашину. Поднялся невероятный гвалт. В кабине сидела размалёванная дамочка в шляпке с вуалью и цепко прижимала к груди чемоданчик. А бабы уже лезли в кузов и выкидывали узлы, чемоданы, фикус, кресла, шкаф и всё остальное. В кузов стали сажать беженцев с детьми, а дамочку, которая пыталась протестовать, пригрозили выкинуть вон. Когда напихали полный кузов, машину отпустили. Бабы с чувством исполненного гражданского долга, вытирая пот и постепенно успокаиваясь, группами разбрелись по своим домам и квартирам.

Но дорога не опустела. По ней продолжали брести беженцы.

ПЕРВЫЕ БОМБЫ

С самого начала войны все мальчишки нашей окраины города занялись сбором военных "трофеев". Сюда входили стреляные гильзы и пули от всех видов стрелкового оружия, осколки снарядов, мин и гранат, армейские каски, противогазы, пуговицы и лоскутки немецких мундиров с нашивками и прочие отходы войны. По мере накопления этого безобидного мусора стали появляться и более серьёзные, а подчас и опасные находки. Например, кусочки тола, артиллерийский порох в виде тёмных макарон и жёлтых шариков, дымовые шашки с запалами, сигнальные ракетные патроны и прочее. Ребята обменивались своими вещичками, спорили, иногда доходило до драки.

В тот серенький зимний декабрьский день 1941 года в огороде за сараем мой двоюродный брат Борис показывал мне свои "богатства". Особой его гордостью был маленький осколок плексигласа. Он уверял, что это от пуленепробиваемой прозрачной кабины немецкого самолета. В доказательство он притащил из сарая ржавый палаш, с которым до революции ходили жандармы. Мы принялись по очереди дубасить по осколку, но безуспешно, так как инструмент был тупой, очень тяжёлый и неудобный. Тогда я сбегал за топором и пытался отколоть для себя хотя бы маленький кусочек, но на «плексике» появлялись лишь едва различимые царапины. Борьку распирало от самодовольства и гордости обладать таким богатством, поскольку я был вынужден признать, что «плексик» действительно пулей не пробьёшь, и ещё потому, что его богатство не уменьшилось, несмотря на все мои старания.

В это время из-за деревьев соседнего сада внезапно появился низко летящий самолёт с чёрными крестами. Когда я вскочил на ноги и задрал голову, самолёт был как раз над нами. Я ясно увидел немецкого лётчика в огромных лётных очках. В это мгновение от самолёта отделились одна за другой две бомбы. Я прыгал и кричал лётчику какие-то ругательства, а самолёт свалил вправо и так же быстро исчез, как и появился.

Оглянувшись на брата и с удивлением увидел, что Борька лежал на снегу, поджав ноги к подбородку, зажмурился и зажал уши руками.

- «Трус и темнота! — заорал я, - не на тебя же он сбросил бомбы, а на станцию. Там всегда скопление воинских эшелонов! Бежим смотреть!».

В этот момент почти одновременно раздались два приглушенных расстоянием взрыва. Далеко за домами высоко взметнулся столб дыма. Борька, побледневший от

испуга, хлопал глазами и мотал головой. Это жалкое создание сразу потеряло в моих глазах всякое уважение, и я перестал с ним общаться, хотя мы жили рядом, в одном дворе.

Я побежал на станцию. К моему удивлению вокзал был на месте, а ведь в воображении представлялись горы окровавленных тел, масса раненых и страшные разрушения. А тут на перроне пассажиры спокойно ожидали электричку на Москву. Железнодорожные пути, как всегда, были заняты воинскими эшелонами. На привокзальном рынке толпился народ, разве чуть больше возбуждённый, чем обычно. Так куда же упали бомбы?

Вдруг в толпе увидел знакомого пацана Кольку Серякова. Это был очень ловкий проныра и, как потом оказалось, воришка. Он сказал, что разбомбили лесопилку, никого не убило, но зато фриц сделал две большие ямы.

Лесозавод находился за выходными стрелками железнодорожной станции, по другую сторону невысокой в том месте насыпи. Значит большой перелёт, здорово фашист промахнулся. Тоже, наверное, трус: выскочил из-за тучи, кинул бомбы и наутёк, лишь бы с нашими ястребками не встретиться. Шакал.

У лесозавода толпа любопытных. Сплошной забор лежал на снегу, вывернутый наружу. Это его взрывной волной опрокинуло. Среди двора две глубокие воронки, вокруг них вырванные глыбы и комки мёрзлой земли, контрастно выделяющиеся на фоне снега. Передняя стена и часть крыши лесопильного цеха были разрушены. Сквозь пролом в глубине цеха были видны пилорама и штабели досок. В соседнем строении окна и двери были вышиблены.

Усатый железнодорожник из вагоноремонтных мастерских в форменной затёртой фуражке и замасленной спецовке сказал: «Каждая фугаска по полтонны. Хорошо, что не попал на этот раз в эшелоны и в нашу мастерскую. Значит, прилетит ещё». И действительно, прилетали бомбить и ещё несколько раз и попадали в скопление эшелонов, но почему-то не фугасными бомбами, а осколочными. Поэтому большого вреда не причинили и работу железнодорожной станции не нарушили.

А в тот раз я подобрал на память осколок бомбы с острыми рваными зазубринами по краям. Он был ещё тёплый.

*Потапов Юрий с сестрой Ларисой (Мочешниковой). с друзьями.
Фотография 1942 г.*

У НЕФТЕБАЗЫ

Был январь 1943 года. Яркий солнечный день и мороз около двадцати градусов. В такую погоду трудно усидеть дома. Целой ватажкой ребята поехали

кататься на лыжах. Поскольку гор поблизости не было, то обычно катались с насыпи железной дороги. Мы покатались в одном месте, потом в другом, где повыше. Появился азарт, и мы поехали на самое высокое место насыпи у нефтебазы. Здесь было не так уж и высоко, всего метров пятнадцать-шестнадцать, но в метель сверху всегда наметало козырёк. Поэтому в начале спуска казалось, что не едешь, а падаешь почти по вертикали. Потом склон становился более пологим, а внизу было вообще ровное место и лыжника выносило далеко в поле. Лыжня уже была кем-то проложена, так что "кто первый" вопросов не было. Слева от лыжни за изгородью из колючей проволоки находилась нефтебаза. Огромные цилиндрические резервуары располагались в два ряда вдоль насыпи. Внизу лыжню пересекала тропинка.

В это время слышалось характерное гудение немецкого самолёта. Мы уже научились по звуку отличать своих от чужих. Он был на большой высоте, и разглядеть его в ярком солнечном небе было трудно. Нам стало весело потому, что этот гад теперь уже боялся спуститься пониже.

Внизу по тропинке шёл мужчина в белом военном полушубке с белым меховым воротником. Подождав, когда он пересечёт тропинку, я ринулся вниз. Ветер со снегом ударили в лицо, перехватило дыхание, и в это мгновение раздался хлопок, совсем негромкий. Но когда я проскочил тропинку, увидел того военного в полушубке. Он лежал боком на снегу совсем рядом с лыжнёй. На спине белый полушубок был в чёрных пятнах. Я затормозил и вернулся к лежащему. От него валил пар. По другую сторону лыжни было чёрное пятно. Только тогда я сообразил, что фашист сбросил осколочную бомбу, а пар появился потому, что из ран вытекала горячая кровь, а было морозно. Наверное, мужчина шёл на обед и чисто случайно попал под осколки немецкой бомбы. Вот такая выпала ему судьба. Не на фронте, а в тылу караулила его смерть,

Мальчишки ко мне не съехали, забоялись, наверное. Не горы конечно, а убитого на их глазах человека, крупного и должно быть очень сильного. Я не знал, как поступить. Уйти нельзя, а вдруг он ещё живой и его можно спасти? На всякий случай крикнул ребятам, чтобы бежали в военную комендатуру или, может, встретят патруль. Их как ветром сдуло.

Одному стало жутковато, старался не глядеть на лежащего. В ближайший резервуар в самом низу попали осколки. Из просечек показались языки чего-то очень густого, похожего на солидол. Мороз-то сильный, но и давление тоже, вон как медленно выдавливается. В это время вдалеке на тропинке показались двое, в таких же полушубках. Я на лыжах кинулся к ним. Один бросился назад за носилками, а другой побежал к раненому товарищу.

Вот так совершенно случайно взрослый человек был изрешечён осколками, а я случайно задержался наверху всего на несколько секунд, совсем немного понадобилось фантазии, чтобы представить, что лежал бы ты сейчас рядом на снегу в такой же жуткой неподвижности. Брр... Стало зябко, и я пошёл домой, думая о том, что война совсем не такое весёлое дело, как показывают в кино,

ПАРАДОКСЫ ВОЙНЫ

В начале Отечественной войны, в 1941 году, наши войска стремительно откатывались на восток, оставляя город за городом и множество деревень и селений.

Мы, тогда ещё подростки, не могли понять происходящего. Наша Красная Армия, самая славная и героическая, и вдруг отступает, а ведь ещё в песне гордо пели, что врагу и пяди не отдадим?! На самом деле получалось, что гитлеровские фашисты сильнее и храбрее нас. Наши мальчишеские сердца не могли с этим смириться. Поэтому мы спорили и ссорились, ища ясного ответа на этот болезненный вопрос.

Ну и что! - кричал вспылчивый Колька - подумаешь, Германия заставила всю Европу воевать против нас! Да мы в несколько раз больше этой Европы!

А у нас что? Мало заводов? - поддержал его Женька.

Да наши танки и самолёты получше немецких! - добавил Гена.

Значит мы слабаки перед фрицами, - подытожил обычно молчаливый Серёга.

Кто слабаки?!? - сразу все набросились на него. - А Гастелло?! - орали ему со всех сторон.

Это они от отчаяния, - слабо защищался Серёга.

Это не отчаяние, а холодный расчёт, помирать так с музыкой, - рассудительно заявил Паша. - Один бросил свой горящий самолёт на немецкие танки, а другой своим телом закрыл амбразуру с пулемётом. Они наверняка знали, что погибнут, но хотели отдать свою жизнь с наибольшим уроном для противника и спасти жизнь своим товарищам. Поэтому они и герои. И героев у нас много.

Хороши герои, если отступают, - пробормотал Серёга.

А вот ты, ты один у нас самый храбрый, смог бы на пулемёт лечь?!? - накинулся на него Колька.

Через три года, когда наши войска победоносно двигались уже на запад, я учился в техникуме, и у нас в группе были фронтовики: Виктор Грачёв, Евгений Крутов, Семён Воробьёв и Владимир Тюрин. Эти ребята, понюхавшие порошу, были уволены из армии по ранению. Крутов на протезах с трудом ходил с тростью. Мы, сокурсники, с уважением относились к этим взрослым ребятам, познавшим опасности в боевых условиях. Нам очень хотелось побольше узнать о том, как там, на войне, но фронтовики не любили вспоминать военные передраги и предпочитали отмалчиваться. На настойчивые вопросы о том, страшно ли в бою, однажды Виктор Грачёв не выдержал и, чтобы положить конец расспросам, рассказал примерно следующее:

- Очень страшно, ребята, было ходить в атаку, особенно в психическую. Это немцы придумали. Когда они пьяные шли цепью строевым шагом на сближение, то молчали, а потом с тридцати метров открывали огонь из своих автоматов. И тогда мы с винтовками наперевес и криками "ура" бросались на них в штыковую атаку. Так фрицы не выдерживали и показывали нам свои спины. Но при этом мы несли огромные потери от их огня и со злостью догоняли и доставали штыками.

А потом пошли румынские и австрийские части, которые вообще нашей штыковой атаки не выдерживали и позорно бежали или сдавались в плен. Ну, мы, как дураки, стали себя храбрецами считать, хотя втайне боялись, конечно. Каждому жить хотелось, а на войне каждый день погибали, и привыкнуть к этому невозможно.

А вот в последний раз получилось всё по-другому. Мы шли в атаку как всегда шеренгой, ошестинившись штыками. Думали, что нам и чёрт не брат, хотя и боязно было, но надеялись, что не в первый раз, так может снова повезёт. А навстречу нам такая же плотная шеренга твёрдо и молча шла. Всё ближе и ближе. Стало видно, что форма на них немецкая, а винтовки со штыками наши русские. Э-э, да это же братья славяне, бендеровцы. Они, дурни, за самостийную Украину воевали. Страшная это была встреча, незабываемая. Не знаю как у других, а у меня что-то ёкнуло в груди

всё ближе и ближе. Они молчат, и мы молчим. Осталось уже всего несколько шагов. Всё во мне напряжилось и вдруг понял, что на меня идет здоровенный детина. Откровенно говоря, мне плохо стало. Конец, думаю, пришёл, а сам, как во сне, ему в пузо в выпаде штыком ударил. А он так треснул по нему, что винтовку у меня из рук чуть было не вышиб, и уже замахнулся, чтобы прикончить меня прикладом. Но при замахе он вдруг осел и завалился на спину и как-то боком, не выпуская, однако, винтовки из своих ручищ. Я сразу ничего не понял, но как в тумане помог своему соседу справа прикончить тоже здоровенного бендеровца. А потом в азарт вошёл и в рукопашной схватке ещё кого-то колот и бил прикладом, пока меня самого не пырнули штыком в левое плечо и я упал.

Тот бой был короткий и жестокий. Наша тогда взяла. Ребята наши должно быть озверели. Ну как же - славяне ведь, а с фашистами заодно. Не понимали дураки, что потом союзники их запросто обманут. Но дрались они яростно. Не отступили и в плен не сдались. Все полегли, но и наших положили немало.

В полевом госпитале, когда я пришёл в себя, узнал от ребят, что Колька Ремизов спас меня. Это был боец совсем малого роста. В цепь его взводный не ставил, поэтому он шёл позади нашей шеренги и стрелял в упор из винтовки. Так это он моего великана завалил. Так вот, ребята, всегда и всем страшно в бою, особенно в первые мгновения. Главное не растеряться, а потом страх уходит, и ты уже защищаешь себя и своих ребят. Вообще, вот это ощущение коллективной поддержки своих здорово помогает.

*Потанов Юрий 8 лет с другом
Фотография 1944г.*

*Отец Николай Сергеевич Потанов
и сын Юрий. Фотография 1944г.*

Снетков
Николай Дмитриевич
(1929 г. р.)

Я родился в 1929 году в селе, недалеко от Районного центра Галич Костромской области. Колхоз был маленький, но крепкий и очень дружный. Когда началась война, мне было 12 лет. У нас из колхоза забрали на войну всех трудоспособных мужчин и всех лошадей. Колхоз остался без мужиков и лошадей, остались лишь один очень старенький кузнец и молодёжь в возрасте 11-14 лет. А 16-ти, 17-летних тоже брали в армию. Этот старенький кузнец подсказал, что из кастрированных молодых бычков можно вырастить рабочую скотину. В колхозе их быстро вырастили и они получились покрепче и покрупнее коров, домашнее хорошее животное, непохожее на свирепого быка.

И мы, мальчишки и девчонки 12-15 лет, работали на этих бычках летом, когда началась война. Во время каникул образовалась бригада из 16-17 человек, которая выполняла полевые работы. Бычки не могли пахать, потому их запрягали в повозку по два бычка. На бычках нельзя было косить косилками, т.к. у них скорость медленная, и нож косилки не резал, а только сминал траву. Людей в деревне вместе с эвакуированными оказалось много и для работы в деревне людей хватало.

Председатель колхоза остался, т.к. он был инвалид труда и его на фронт не забрали. А бригадиром поставили очень бойкую деловую женщину, приехавшую из Ленинграда, которая нами и всеми эвакуированными руководила. Учитывая, что в первый год войны мы не ощущали никаких трудностей, к тому же почти в каждом доме были запасы продовольствия, первый год мы кое-как прожили без проблем.

Нас в семье осталось: я, братишка, мама и бабушка. Да ещё из Ленинграда приехали эвакуированные родственники. Всего нас оказалось в семье 8 человек.

Самое странное и интересное, что когда началась война, мы, мальчишки, совсем не испугались, а взрослые, конечно, очень испугались. Только потом, когда стали в наш колхоз приходить похорожки, тогда только мы поняли, что это такое – война. Ведь мы были воспитаны на Халхин-Голе, на озере Хасан и думали, что вот мы сейчас их (врагов) раз-раз и победим. Но не тут-то было!

Когда началась учёба, мы продолжали работать в колхозе. Придешь из школы и идешь в конюшню (она осталась от тех лошадей, которых забрали на фронт), запрягаешь своего бычка (бычки были закреплены за каждым из нас) и идешь боронить в поле. А трудодни писали на маму, т.к. с уходом отца на фронт конюхом стала мама. Я не помню, когда и как я учил уроки. Но учился я хорошо. На этих бычках мы выполняли все полевые работы в колхозе. Но нам матери насыпали неполные мешки зерна, учитывали наш возраст. Очень было тяжело зимой в любой год, т.к. нужно было самим запастись на зиму топливо. До войны наши отцы закупали делянку, спиливали деревья, и на зиму были дрова. А когда мужики ушли на фронт, все их заботы были возложены на нас. Мы приходили из школы, брали санки и шли в лес, а дорог не было. И вот на лыжах, по своей лыжне, нарубленные и уложенные на санки ветки (дрова) тянешь домой. Было очень нам, ещё детям, тяжело. Порой мы собирались компанией подростков и эту работу выполняли сообща, т.к. топливо нужно было для приготовления пищи, для скотины, для обогрева и для других домашних нужд.

Особенно тяжело было тому, где были девочки или мало людей в семье. Много хлопот было со светом, т.к. наш колхоз электрифицировали только в 1950 году. А то освещались керосиновыми лампами. Во время войны в школе на каждой парте стояла керосиновая лампа. Большие проблемы были со стеклами, которых во время войны негде было достать. Спустя некоторое время в ходе войны у нас стало голоднее. Но, так как у нас жили эвакуированные родственники, нам помогал огород, корова и бычки, которые были очень большими помощниками для нас. То и трудностей было меньше, чем у многих в колхозе.

Зимой из-за заготовки дров было очень много работы. Мы не могли пилить толстые деревья, а больше пилили тонкие, а их заготавливать приходилось больше.

7-ой класс я окончил в 1944 году, и наша старенькая учительница маме говорила: «Ты его обязательно учи дальше, он у тебя очень способный». Из деревни без паспорта тогда было уезжать нельзя. Но помогли наши эвакуированные из Ленинграда родственники. Они прислали мне вызов, и меня из деревни отпустили с паспортом. Я без вступительных экзаменов в Ленинграде поступил в военно-механический техникум, куда уже поступила моя сестра. Я приехал туда с опозданием, 11 сентября. Но меня зачислили без проблем. В то время, в 1945 году, можно было поступить в любой ВУЗ и техникум, т.к. основной заботой в стране было восстановление всего того, что было разрушено во время войны.

День Победы 9 мая 1945 года для нашей семьи не был радостным. Особо было горько, что в 1944 году получили похоронку на отца, а в 1943 году погиб мой любимый брат. К тому же в наш колхоз с войны вернулось только 3 человека. Из них двое по ранению.

Степнова
Нина Ивановна
(1933 г.р.)

Родилась я д. Устиново Барятинского р-на Калужской обл. в многодетной семье (7 чел. детей). Когда началась война, мне было восемь лет. Я хорошо помню лето 41-го, как шли фашисты победным маршем, чувствуя себя победителями.

Надо сказать, что они сначала не бесчинствовали и не останавливались надолго в деревне, только хватали на ходу поросят, кур и т.д. и шли вперёд.

Мой папа, Степанов Иван Яковлевич имел бронь по болезни, но он не мог отсиживаться дома, когда шла страшная война, и потому пошёл служить вольнонаёмным в прачечный отряд, дабы хоть в чём-то быть полезным в разгроме врага. Отряд следовал за линией фронта, обстирывая наших бойцов и командиров. В этом отряде служила медсестрой и моя старшая сестра, Степанова Евдокия, окончившая медучилище в г. Ярцево Смоленской обл.

Но фашистам недолго пришлось чувствовать себя вольготно. Наши доблестные войска под Москвой остановили натиск фашистов. Вот тут-то и начались повсеместно отчаянные сражения. Не миновала этой участи и наша местность. Недалеко от нашей деревни, километрах в 20-ти, шли ожесточённые бои. Это местечко то ли рабочий посёлок, то ли село – называлось Зайцева гора (военные это хорошо должны знать).

Я хорошо помню, как летели самолёты со зловещими чёрными крестами на крыльях, наполненные смертоносным грузом. Услышав эти зловещие звуки – уу-уу-уу, мы, детвора, от страха старались спрятаться под лавку, забиться в щель, чтобы не слышать эти сжимающие сердце звуки.

Не один раз пришлось наблюдать воздушные бои. Радовались, когда машина с чёрными крестами падала, унося за собой хвост чёрного дыма, и очень огорчались, когда такая участь постигала самолёт с красными звёздами. Постоянно слышались разрывы снарядов, вой мин, блеск трассирующих пуль.

Потом потянулись раненные. Их было множество. Они размещались в нашем (и, думаю, не только в нашем) доме на полу, на печке и т.д. Повторяю, их было очень много, и отовсюду слышались стоны, стоны.

Вот так мне запомнилось это величайшее сражение на Зайцевой горе (в конце я ещё вспомню о ней). Помню частушку, которую пели девушки:

*Мой милёночек убит
На Зайцевой горочке,
В могиле братской он лежит
В зелёной гимнастёрочке.*

Не обошла беда стороной и нашу семью: муж моей тёти, Евстигнеев Дмитрий Иванович, выйдя из окружения, организовал что-то наподобие партизанского отряда. Он состоял из нескольких человек, в том числе офицеров, попавших в такую беду. Происходило это в д. Якимовки Мосальского р-на Калужской обл.

Так в эту деревню зашла группа фашистов из 7 человек, потрепанных, видимо, под Москвой. Они зашли в дом к одной учительнице, звали её Ольга Ивановна. Соседи видели, как она прислуживала фашистам, угощала их, жарила, парила. Об этом узнал Дмитрий Иванович с товарищами. Они хотели бросить в окно гранату, но их отговорили: у учительницы были три дочери, пожалели их. Оставили до утра. Чуть забрезжил рассвет, фашисты, разбившись на группы, стали уходить. Их провожала учительница. Одна группа пошла вниз под горку, а другая – по деревне. Вторая группа спряталась за крайнюю избу, услышав преследование.

Мой дядя, горячий парень, крикнул: «Выходи!». Фашист не растерялся, вскочил и выстрелил прямо в упор. Так бесславно погиб хороший человек, семьянин. Он лежал на лавке в гробу, а его жена, моя тётя, в это время мучилась родами. Так появилась на свет моя двоюродная сестра, которая не увидела своего отца. Не увидел и он её. Это произошло 9 января 1942 г. Учительницу потом судили, дали ей 10 лет заключения.

Нас потом эвакуировали в Тульскую обл. Погрузили в товарные вагоны, доверху набитые нехитрым скарбом. Везли, в основном, ночью - днём бомбили. Видела по дороге горящие вагоны. Нас с мамой в эвакуации было трое (я, мои младшие сестрёнка 1938 г.р. и братишка – 1940 г.р.). Сестра Маша, 1928 г.р., ушла тоже в прачечный отряд, где служили отец и старшая сестра.

Не стоит описывать те лишения, которые нам пришлось пережить в эвакуации, да и после: голод и т.д. Мама, не выдержав всё пережитое, тяжело заболела в конце 1946 г. и умерла. Ей было всего 45 лет. Вслед за ней, на 9-й день умер и мой отец. Ему было 46 лет.

Так я попала в детский дом, который располагался в 7 км от нашей деревни, в с. Мосур, замечательном месте. Вместе со мной попали туда и мои младшие сестрёнка и братишка.

Теперь пора вспомнить о Зайцевой горе (я обещала вначале). Находясь в детском доме, нам, воспитанникам, организовали поход по местам боевой славы - конкретно, на Зайцеву гору. Это было удручающее зрелище. Всё сожжено дотла, нет ни деревца, ни кустика, не говоря уже о какой-то постройке. Казалось, да так оно и было, что выжженная земля. Только глубокие воронки, каски, да гильзы и прочее остались на этой земле. Люди ещё жили в землянках.

Такой запомнилась мне эта страшная война, в которой погиб мой родной дядя Белов Ф.С. (пропал без вести) и отец моего мужа Струков В.П. (погиб в Польше в 1944 г.).

Улыбина
Мальвина Сергеевна
(1933 г.р.)

Мне было 8 лет, когда началась война. Наша семья жила в поселке Дорохово в Подмосковье. С семи лет вместе с двоюродным братом я начала ходить в школу, хотя принимали с 8 лет. Учительница была согласна. Она увидела мою тягу к знаниям. Во время войны наша учительница была в партизанском отряде. Она была схвачена немцами, выполняя задание, и расстреляна.

Пос. Дорохово являлся стратегическим пунктом т.к. через него проходила ж/д, и рядом шли ожесточенные бои. Помню частые бомбежки, в такие страшные моменты мы укрывались в лесу.

В декабре 1941 года пришли каратели в наш поселок. Собрали всех поселян и погнали в Германию. Мама меня везла на санках в общей колонне. Мы никуда не могли отойти - кругом немецкие патрули с собаками. Негде было поесть, иногда жители деревень, через которые нас гнали, выносили нам картошку, кусок хлеба, что мог. Ночевали в конюшнях, разрушенных церквях под охраной. Этот ужас длился полгода. Помню, когда мы находились в разрушенной церкви, где не было мест, где прилечь, все стояли, прижавшись, друг к другу, плакали, дети кричали, немцы готовились к поджогу храма.

В этот момент наши войска начали наступление. И мы слышали звуки канонады наших войск. Немцы стали отступать. А нас советские солдаты выпустили, и мы разбежались кто куда. Долгое время мы отсиживались с мамой в окопах. А когда наши войска продвинулись вперед, мы стали добираться домой. Вскоре от сердечного приступа умерла мама. А меня отправили в детский дом, так как у сестры мамы было четверо детей. Вначале я попала в Даниловский распределитель города Москвы, а затем в Пушкинский детский дом им. Ногина Московской области. Для меня это лучшие детские воспоминания.

В детском доме была уютная дружеская атмосфера. Кормили хорошо. Победу я встретила в детском доме. У нас была пионервожатая Галина Извольская. На день Победы она взяла меня с подругой Ниной Рябцевой в Москву, тайно от всех вечером мы сели в набитую людьми электричку, так как все стремились на день Победы в Москву. Воспитательница нас все время держала за руки. На Красной Площади было много радостных людей, которые целовались, обнимались, кричали: «Ура!» при залпах салюта Победы. Это зрелище, конечно, осталось в памяти на всю жизнь. До сих пор, при встрече с друзьями, воспитанниками детского дома, мы вспоминаем эти радостные долгожданные дни Победы.

Щапов
Василий Кузьмич
(1920 – 17 января 2010)

ПЕРВЫЕ ДНИ ВОЙНЫ

Я родился 8 августа 1920 года - в самую разруху и голод после Гражданской войны.

Отец, Щапов Кузьма Иванович, родился в 1892 году, крестьянин, учился в церковно-приходской школе и закончил три класса с похвальным листом. В царскую армию был призван в 1915 году, в учебную команду. Через шесть месяцев ему было присвоено звание ефрейтора, потом старшего унтер-офицера, и в 1916 году он был отправлен на фронт командиром взвода.

В период Гражданской войны состоял в штате военного комиссариата по подготовке кадров - занимался обучением новобранцев 1901-1902 годов рождения - в разных селах.

Отец женился в 1912 году на крестьянке из зажиточной семьи села Шелемисс Кузнецкого района (уезда) Декиной Елене Васильевне. У них в семье были два брата, старший Федор и младший Александр, который погиб на фронте Великой Отечественной войны.

На срочную военную службу я был призван 26 апреля 1941 года. Ехали в товарных вагонах, где были двухъярусные деревянные нары, через всю Украину. На остановках разглядывали чистенькие белые вокзалы, как, например, Фастов. А в Полтаве восхищались цветущими садами вишни и яблонь. В Подволочиске мы успели сходить в железнодорожный буфет и в магазин, который располагался недалеко от вокзала. Продавец, предлагая товар, говорил, что он уступит и продаст дешевле, особенно для бойцов Красной Армии. "Как это дешевле, ведь цены государственные!". "Нет, у нас торговля частная". На конечной остановке нас выгрузили из вагонов, и мы пешим ходом пошли через лес, по воде, до воинской части, которая дислоцировалась в деревне Грушевка Львовской области.

После карантина нас обмундировали и направили в казарму. За несколько дней пребывания в городке я успел побывать в Ленинской комнате, библиотеке. Начались занятия по строевой подготовке. Я сразу почувствовал крепкую дисциплину, порядок и компетентность офицеров и младших командиров. Мне очень понравилось. Зачислили меня в отделение связи радистом батареи 723 г.а.п. 159 с.д. Но рацию так и не получил.

В первых числах июня мы выехали в летние лагеря. После оборудования лагеря начались занятия по специальности. Но, увы, успели провести единственное занятие по изучению полевого телефонного аппарата, так как на следующий день нас отправили на границу, в район городов Рава-Русская, Немиров, на строительство дотов (Д.О.Т.).

21 июня 1941 года не закончив оборудование укрепленной линии, мы вернулись в лагерь. Утром 22 июня в 6 часов в расположение нашей части прибыл командир дивизии и объявил боевую тревогу. Кто-то сказал, что это, наверное, учебная тревога. Но прибывший старшина Сахно скомандовал: "Забрать личные вещи и построиться, сбор на опушке леса, у дороги". После завтрака в полной боевой готовности мы собрались в указанном месте. Там уже была установлена трибуна. Начался митинг: нам объявили, что немцы вероломно напали на нашу Родину - началась война. Выдали нам медальоны и объяснили, что необходимо написать фамилию, имя, отчество, домашний адрес и вложить это в медальон, который необходимо положить в брючный кармашек.

Наш арtpолк имел на вооружении 122 мм гаубицы. Один дивизион на механической тяге и два дивизиона на конной тяге. Весь арtpолк тронулся походной колонной в западном направлении, следом за стрелковыми полками. Начались разговоры о том, куда же нас везут - то ли на Киев, то ли к границе. Конечно же, мы шли к границе. Только успели мы покинуть наши летние квартиры, как налетела на лагерь немецкая авиация и разбила лагерь. Часам к 12-ти стала слышна артиллерийская канонада, а в 16.00 22 июня мы уже заняли огневые позиции, оборудовали наблюдательный пункт рядом с боевыми порядками пехоты. Я тогда не имел понятия (как и все солдаты нашей дивизии), что такое война. Даже какое-то приподнятое настроение было у всех.

Сзади нас густой лес, за лесом - поле, где была установлена батарея, с которой уже была налажена связь. С наступлением темноты немцы прекратили атаки и обстрел. Наша батарея всю ночь вела беспокоящий огонь по переднему краю и тылам немцев. Но вот ранним утром 23 июня немцы после непродолжительной арtpодготовки возобновили наступление. Атаки продолжались весь день. К вечеру наша пехота не выдержала и отступила. Ночью положение было восстановлено. 24 и 25 июня все повторилось, а 26 июня после массированного налета авиации и артиллерии противника началось массовое отступление по всему фронту. Наше отступление немцы сопровождали обстрелом брызгантинами снарядами. Мы только успели установить 2 орудия на новой позиции, а я с товарищами еще не успел проложить кабель на НП. Слева на опушке леса стоял отдельный домик с колодцем во дворе. Я побежал с котелком за водой. Прицепил котелок и с помощью барабана

опустил его в колодец. В это время послышалась автоматная очередь, пули просвистели выше моей головы. Я, естественно, присел за сруб колодца. Тут я и увидел прямо перед собой двух немцев с автоматами, идущих прямо к колодцу. Я выстрелил из карабина и одного убил. Второй немец побежал назад. В это время я увидел, что от батареи побежали наши солдаты из орудийного расчета. К счастью, установлено было только два орудия, а два других установить не успели. Таким образом, два орудия захватили немцы, а из орудийного расчета остались только двое. Остальные погибли в рукопашном бою. Оказалось, что немцы, прорвав нашу оборону, вышли к нам в тыл.

Вот теперь я понял, что такое война.

Двое из оставшихся в живых оказались кузнечане: Жаринов Сергей и Иван Кошкодаев, он до войны работал парикмахером в Центральной парикмахерской на Комсомольской улице. Так как не установленные орудия оказались в упряжке, то ездые, увидев немцев, погнали лошадей с орудиями в тыл за отступающими пехотинцами. Мы трое оказались отрезанными от своего полка.

На опушке леса к нам присоединился сержант - командир отделения связи. Он приказал: "Окопайтесь здесь и ждите меня, я пойду вперед, разберусь, где тут немцы, а где наши". Но он так и не вернулся.

День клонился к вечеру, жара спала. Мы, посоветовавшись, решили идти по хорошо накатанной грунтовой дороге. Но вовремя сориентировались, так как пошли не в ту сторону, повернули обратно на восток.

Тем временем по большаку двигалась масса беженцев. Люди несли свой скарб, а некоторые везли на лошадях, но таких было мало. Многие гнали свой скот. Следом за беженцами показалась колонна солдат, Мы присоединились к ним. По обочинам дороги валялись трупы людей и скота, также много домашних вещей. Это то, что осталось после налета немецкой авиации на беженцев, идущих впереди. В кювете лежал один поляк, раненный в живот, его кишки вывалились на землю, он стонал и просил, чтобы его пристрелили. Но никто к нему не подошел. Это было так страшно!

Километра через два на опушке леса увидели дом. Возле него никого не было, и мы долго наблюдали, не решаясь подойти к дому. Но вот наконец-то из дома вышел солдат. Присмотрелись - свой. Часовой вызвал офицера, который разрешил нам подойти и стал расспрашивать кто мы такие. Я сказал, что мы разыскиваем свой 723-й арtpолк. Он нам ответил, что где наш полк не знает и дал нам задание установить, есть ли в роще и за рощей немцы. Мы зашли в лес - в крошечную темень, прошли через лес - кругом тишина. Доложили, что немцев нет нигде. Нам разрешили отдохнуть. Во дворе под открытым небом было много сухой травы, на которую мы и легли спать. Но сразу заснуть так и не удалось - не давали самолеты противника: то пролетала рама (разведчик), то шли на восток эскадрильи бомбардировщиков, создавая монотонный гул.

На рассвете мы продолжили свой путь на восток, но своих догнали только на следующий день в лесу, где сосредоточились подразделения легкого арtpолка и нашего. Сразу же увидели своих товарищей - крепкие рукопожатия и объятия, как будто мы не виделись, бог знает сколько времени. Большая радость, что мы опять

вместе, в своем полку. Лес, зелень, буйная растительность, и теплая солнечная погода, дурманящий аромат трав - все это создавало хорошую обстановку и настроение. Кругом ставили полевые кухни, готовили обед, а среди личного состава веселый разговор, шутки, игра на музыкальных инструментах. Но долго тут задерживаться было нельзя, противник своими обходными маневрами вынуждал нас на дальнейшее отступление.

С наступлением темноты все подразделения двинулись на восток. Шли проселочными дорогами через леса и поля, на которых созревала пшеница выше человеческого роста. Бывало, идешь по пшенице цепочкой друг за другом, и уже образуется хорошо протоптанная дорожка. А таких дорожек столько, сколько подразделений. Остановят на привал, а у тебя одно в голове - определить, где мы находимся. Справа - осветительные ракеты, слева тоже, создается такое впечатление, что мы окружены. А политруки уверяют, что на других участках фронта наши войска перешли границу и ведут бои на территории противника. В это вранье поверить было нельзя.

Июнь на Украине был ненастным - как зарядит дождь на три-четыре дня - сухой нитки на тебе не остается. В мокрой одежде чувствуешь себя отвратительно - мерзнешь. Иногда думаешь: "Лучше бы убили меня, чем переносить все эти лишения - холод, дождь, грязь. Поэтому я никогда не боялся, что меня убьют. Но, тем не менее, мне не верилось в это, потому, что мы, солдаты, понимали, что война все-таки кончится. И мечтали о хорошей жизни. "Вот кончится война и хорошо бы посмотреть, как все хорошо заживут!!".

Как-то нас вдвоем послали охранять перекресток дорог и не пропускать немцев - мы должны были вовремя сообщить нашим о приближении противника. Погода была скверная, шел мелкий дождь. Мы промокли и дрожали от холода. Залезли в старый окоп и там ждали немцев. Но немцы так и не появились.

Отступали только ночью, колесили зигзагами. Бывало за ночь отмахаешь 60-70 километров, а от линии фронта уйдешь всего-то на 10-20. К утру только успеешь окопаться, а противник вот он, уже вышел на наши позиции.

Немцы использовали наши самолеты, которые мы называли "чайками", для преследования наших отступающих колонн. Они вылетали с заглушенными моторами из-за леса, а мы, глядя на наши звезды, принимали их за своих. Немцы на бреющей высоте начинали бешеный обстрел колонны. Были, конечно, убитые и раненые. В одном из таких налетов был убит командир батальона.

Мы почти каждую ночь попадали то в окружение, то в "мешок". Вот и приходилось колесить. Так как остатки орудий были переданы в другой артполк, то мы - артиллеристы, воевали как пехота. На нашем участке ничего не осталось на вооружении - ни танков, ни артиллерии. Даже автоматов и тех не было, на весь артполк был всего один пулемет. После длительного отступления в боях с превосходящими силами противника, мы заняли оборону на опушке леса. Впереди нас был совхоз, за нами - лес. Стоял хороший летний день - жарко, конец июля. Нещадно палило солнце, тишина и только в лесу перекликались птицы. Командир батареи послал нас - нескольких человек, на разведку в совхоз. На пасеке никого не

оказалось, мы наполнили котелок медом и ушли к своим. Взяв еще несколько котелков, обратились к командиру с просьбой, чтобы разрешил нам сходить еще за медом. Он отпустил. Но когда мы вернулись на пасеку, то увидели, что наши разведчики столкнулись с разведкой противника. Немцы были на мотоциклах, обстреляли наших и уехали. Мы же, набрав в котелки меда, тоже пошли к своим. Кто-то из разведчиков, заглянув в крайний сарай, обнаружил немецкого солдата, которого мы привели к нашему командиру. Так как у нас не нашлось ни одного человека, который знал бы немецкий язык, пленного пришлось отправить в штаб полка.

Мы еще не успели как следует окопаться, а немцы уже начали обстрел из орудий и минометов, после чего пошли в наступление в сопровождении танков и авиации. Наша пехота, не выдержав танковой атаки, стала отходить. По оврагу мы вышли к деревне. Восточнее этой деревушки, на высотке, стоял полковник и, размахивая пистолетом, стал останавливать отступающих. Собрав небольшую группу - человек сто, он приказал взять деревню, которая находилась на бугре за оврагом. Между оврагом и деревней - овсяное поле. Но овес был невысок, и наши фигуры хорошо были видны. Из крупнокалиберных пулеметов, которые стояли у немцев на бронетранспортерах, был открыт такой огонь, что и головы не поднять. От той контратаки мы ничего, кроме людских потерь, не имели. Немцы пустили два танка и бронетранспортер, и пошли на нас атакой. Пулеметные очереди и минометный огонь обратили нас в беспорядочное бегство. А полковника и след простыл. Прибежали в большое село, центр которого пересекала канава с высоким бруствером - вот она готовая линия обороны. Мы заняли оборону по этой канаве (вынужденно, конечно). Из одного дома вышла дородная женщина, встала на бруствер и начала кричать: "Что это вы русские воюете на нашей земле, ведь все украинцы ушли к немцам, и вы бы шли по домам". Политрук ее предупредил: "Мамаша, шли бы вы отсюда, а то чего доброго, пуля и вас не минует!".

Немцы с самолетов разбросали массу листовок, в которых призывали сдаваться в плен, а иначе они 159-ю дивизию уничтожат, а 41-ю утопят в Днепре. К утру 3 августа 1941 года мы вышли на склон горы, которая была покрыта дубовыми деревьями. Когда объявили привал, то все солдаты, кто, где остановился там и свалился отдыхать. Это такая благодать, кругом тишина, поют птицы, стрекочут кузнечики и повсюду аромат цветов. Полдень знойный - на небе ни облачка. Но вот скомандовали подъем и мы опять двинулись дальше от противника.

К утру 4 августа мы вышли на окраину села Кагарлык Киевской области. За неглубокой ложтиной на опушке леса сразу же определили линию обороны для каждого подразделения. Стемнело, но жара не спадала. За ночь все окопались, то есть на каждых два человека выкопали окоп в полный профиль и отдохнули. Проснулись - играет солнце, и поют птицы, как будто и войны нет. Но вот со склона горы, где мы вчера устраивали привал, показались мотоциклисты и спустя 10-15 минут скрылись обратно. Это, конечно же, была немецкая разведка. Командир батареи приказал мне выдвинуться вперед и около крестца пшеницы занять наблюдательный пункт, и вести наблюдение за противником. И вот часов в 9

показалась колонна. Немцы не пошли дубовой рощей, а свернули вправо и не маскируясь, стали спускаться в лощину. А лощина - вот она - у меня перед глазами, всего в ста метрах. Но немцев-то не видно и не увидишь, пока они не подползут ближе к нам. Тем временем минометчики уже открыли огонь по нашему переднему краю. Мины рвались повсюду, после небольшого обстрела немцы пошли в атаку. Но с правого фланга наш пулеметчик открыл во фланг немцев сильный огонь. Мы тоже стали стрелять из карабинов. Немцы поняли, что из лощины к нам не подобраться и прекратили атаку. Через 30 минут атаку повторили, но с левого фланга. Опять начали не только минометный, но и артиллерийский огонь. Меня ранило осколком от разорвавшейся мины. Я кричу политруку, что меня ранило, но он приказывает вести огонь. Мне самому перевязать ногу нечем, да и время-то нет. Тут или перевязку делать, или стрелять нужно. Слева усилилась стрельба и крики, я посмотрел назад, а наши уже начали отступать. Вот, видно, меня Бог спас, что я не стал делать перевязку, а побежал догонять своих. На первых порах я как будто и не почувствовал боли в ноге, догнал своих уже в селе, сел на землю и тут мне сделали перевязку. А на противоположной северо-западной окраине уже строчат немецкие пулеметы, а я уже подняться не смог. Подогнали двуколку, посадили меня и повезли в медсанбат. Выехали на асфальтированную дорогу, идущую вдоль Днепра, в районе деревни Пии. Здесь нас догнала машина с ранеными, идущая с левого фланга и тоже в медсанбат. Меня перенесли в кузов машины, а двуколка вернулась в часть. Машина с ранеными солдатами въехала на паром, который перевез всех раненых на восточный берег Днепра, где располагался медсанбат. Завели историю болезни, сделали перевязку и отправили в армейский ППГ в г.Переяслов. Госпиталь располагался в здании какого-то института. Широкий коридор, огромные окна, полный коридор раненых: кто на носилках, кто на раскладушках, а больше просто на полу. Через три дня легко раненых отправили во фронтовой госпиталь г.Лубны, в том числе и меня. Раненых разгружали прямо на санобработку, после чего - на перевязку. Поместили меня в палату, где лежало человек десять. Большая светлая комната, постели мягкие, белые простыни и пододеяльники, как дома. После всех мытарств положили меня на постель и я сразу уснул - проспал до утра. Проснулся, когда уже начался врачебный обход. У меня поднялась температура, а рана загноилась. Так как немцы ускоренными темпами наступали, то меня опять отправили в тыловой госпиталь. 14 августа 1941 года привезли в Сталинскую область, в госпиталь №100/46, который располагался в бывшем Доме отдыха "Юнком". Тут была вообще шикарная обстановка: чистые светлые палаты, шикарные холлы, кругом парк и озеро. Только бы отдохнуть, да и рана стала затягиваться. Но не тут-то было, немцы прут всюду, им нужен Донбасс. 23 августа 1941 года меня выписали из госпиталя и направили в запасной полк, в прифронтовую полосу. Этот полк тоже спешил на восток впереди отступающих частей. Мы вошли в Мариуполь, который расположен на высоте, откуда видно Азовское море. В городе уже почти никого не было, на улицах разбросаны книги, газеты, разная бумага, поломанные стулья, столы - одним словом хаос после эвакуации. Но в Мариуполе нам делать было нечего, поэтому мы шли и шли дальше

в тыл. Хорошо хоть в полку были кони. Нас по очереди сажали на лошадей. Двигались целыми ночами, спали на ходу в седле (если можно это назвать сном).

Из запасного полка направили в 8-й корпусной артполк Р.Г.К. связистом. Полк продвигался на Матвеев Курган для занятия огневых позиций. Орудия были тяжелые - 152 мм пушки на механической тяге. Когда проходили Ростов-на-Дону шёл дождь и тут же замерзал. Плащ-палатки на солдатах превратились в нестигаемые панцири. Так как наш полк входил в состав корпуса Р.Г.К., то его частенько перебрасывали с одного участка на другой. В обороне, на Матвеевом Кургане, Н.П. был рядом с пехотой. Мне приходилось переходить по траншеям (страшно подумать), в которых лежали замерзшие трупы наших солдат.

Зима 1941-1942 г.г. была суровой, валенок не давали, полушубков тоже. Сапоги на одну портянку и шинель без ватника.

Артиллерийские позиции приходилось менять чуть ли не каждый день - известная Харьковская операция. Сугробы по пояс, орудия тяжелые, дальнобойные, мороз до 40 градусов, а ситуация была такая, что войска находились почти в окружении. Обстрел противник вел с двух сторон, днем его авиация не давала покоя, то и дело обрывалась связь, приходилось искать обрывы и связь восстанавливать. Я дежурил на промежуточном пункте. И вот пошел по линии искать обрыв. Нашел и соединил провод, проверил через запасной аппарат - связь восстановлена. Только хотел возвращаться на пункт, увидел впереди человека, который перерезал кабель. Я подключил аппарат - связи опять нет. Немец тянет провод, но я его уже соединил. Он, видимо, подумал, что провод за что-то зацепился, начал его сматывать со своего конца, приближаясь ко мне. Меня он, разумеется, не видит, так как я стоял за деревом. Он, видимо, хотел этот кусок в сто метров смотать, отнести подальше и выбросить, затруднив тем самым мне работу. Ему это не удалось, так как я, подпустив его метров на двадцать, застрелил из карабина.

Направление стрельбы приходилось менять без смены огневых позиций, то есть разворачивали орудия на 180 градусов и били в противоположную сторону. В таких случаях тяжелее всего было связистам. Кабель-то нужно было смотать с одной стороны и проложить в противоположную. И так всю зиму, до 3 марта, когда меня при сильном артобстреле ранило на линии, и затем отправили в медсанбат под Лисичанском. Положили в какую-то баню, где на полу было много соломы и еще больше вшей. Они моментально набрасываются на любого нового человека. На другой день погрузили нас в санитарный поезд и отправили в тыл. Прибыли на ст. Верхний Баскунчак. Бывшая школа имела несколько деревянных корпусов, за школой - большой сад. После санобработки поместили в палату. Хотя там все было чистым, но уже не то, что было в Лубнах и в Орджоникидзе на Украине.

Весна была теплая, скоро зацвел сад, а потом началась жара. Питание и лечение в госпитале было хорошее, отношение медперсонала к раненым было доброжелательным. Все было хорошо, особенно прогулки по саду, где в тени можно было почитать книгу или поболтать с медсестрами. Часто мы вспоминали школьные годы, разбирали литературные произведения, особое внимание уделяли роману Гончарова "Обрыв".

Четыре месяца быстро пролетели и вот меня выписывают и направляют под Астрахань в батальон выздоравливающих, который располагался в бывшем санатории "Тинаки". Здесь, конечно, было очень красиво, ухожено, везде дорожки посыпанные песком, вдоль аллей декоративные деревья и кустарники. Все располагало к отдыху и создавало хорошее настроение. Но это длилось недолго, всего десять дней, в течение которых мне делали грязевые повязки.

После десятидневного лечения опять в запасной полк, откуда тут же направили на трехмесячные артиллерийские курсы младших лейтенантов. Училище находилось на противоположном берегу Волги, в поселке Рахинка - напротив Сталинграда. Вот тут уже не сравнить с госпиталем - питание плохое, занятия по 10 часов, самоподготовка и разная работа на территории училища, да еще жара.

Когда немецкие танковые и моторизованные войска стали быстро приближаться к Сталинграду и стало очевидным, что грядут тяжелые, кровопролитные и затяжные бои по обороне города и особенно после 23 августа 1942 года, когда город был разрушен немецкой авиацией, то училище вынуждены были передислоцировать. Курсанты, разумеется, не знали, куда нас перебросят. Шли пешим строем по лесным дорогам километров 150, занятия проводились на привалах. В основном изучали главные дисциплины: артиллерийская подготовка, топография, разведка, связь, тактика. На другие предметы просто не хватало времени. Я лично был недоволен, что меня направили на эти курсы, да еще с большим опозданием, так как все время приходилось заниматься больше других и догонять программу.

Только весенняя, вернее, летняя природа создавала хорошее настроение и располагала к размышлению.

Вот, наконец-то, мы прибыли в поселок Красный Яр под Астраханью (опять Астрахань!). Расположились в двухэтажной кирпичной школе. Это были и учебные классы, и казарма. Прозанимались мы немного. 29 сентября 1942 года приняли у нас зачеты. В фойе нижнего этажа выдали новое обмундирование с петлицами младшего лейтенанта. С этого дня я стал офицером Советской Армии (тогда командир Красной Армии).

Конечно, о выпускном вечере никто и не мечтал, не до этого было. На другой день посадили нас в пригородный поезд Астрахань-Сталинград и с предписанием мы поехали на Сталинградский фронт. Штаб Армии располагался на хуторе Ямы. Проехали полпути и по команде "Воздушная тревога!" мы все покинули вагоны и пошли пешком по полевой дороге, а поезд двигался за нами. К вечеру мы прибыли на ст. Верхний Баскунчак, то есть туда, где я лечился в госпитале.

Станция и корпуса госпиталя были разрушены немецкими бомбардировщиками. Я спросил сопровождающего нас офицера: долго ли будет стоять поезд, и успею ли я разыскать кого-нибудь из госпиталя. Он ответил: "Вполне успеете". Но поиски мои были тщетны - я никого не нашел. Походил по улицам и в одном из дворов увидел белье на веревках. Спросил женщину о госпитале, о его работниках и раненых. Она ответила, что госпиталь, слава Богу, эвакуировали до

бомбежки в степь - в землянки. Вот такая у меня произошла "встреча" со знакомой девушкой. До рассвета 1 октября мы прибыли на конечную станцию. Порожний поезд отправили обратно, а нас всех по своим частям. Мы с младшим лейтенантом Миколайчук пошли разыскивать свой штаб. Походили по арбузным полям, поговорили с женщинами, которые там работали, они, конечно, угостили нас арбузом, и отправились в штаб. Нас тут же приняли, оформили и направили меня в 384-й артполк 193-й стрелковой дивизии на батарею командиром взвода. Артполк или, вернее сказать, что осталось от полка после ожесточенных боев в Сталинграде, находился на левом берегу Волги во втором эшелоне в ожидании пополнения техникой и людьми.

Так как войска готовились к крупному контрнаступлению, то и наш артполк не проявлял активных действий - велась разведка. Познакомился я с разведчиком Сашей Кривиным. Молодой, общительный, симпатичный парень. Все пел свою любимую песню "Ночь над Белградом тихая". Он погиб, будучи на Н.П. В этом аду человеческой трагедии погиб не один десяток тысяч человек. Только 23 августа 1942 года, когда был нанесен мощный, массированный авиационный налет на Сталинград, погибло 40 тысяч человек гражданского населения. Гитлер хотел запугать русский народ, но мы выстояли и победили.

После капитуляции 6-й немецкой армии во главе с фельдмаршалом Паулюсом и его штабом, на берегах Волги воцарилась такая тишина, что стало чего-то не хватать.

Войска стали приводить себя в порядок - мыться в бане, проходить санобработку. На другой день мы погрузились в эшелон для отправки на отдых и пополнение людьми и техникой. В товарных вагонах топились чугушки, раскалившиеся докрасна. Солдаты раздевались догола, снимали нижнее белье и по очереди жгли вшей о печку, только треск шел.

Приехали мы в село Черновку Вольского района Саратовской области. На другой же день зашел к нам на офицерскую квартиру врач полковой санчасти проверить, как мы устроились. При осмотре он у меня обнаружил желтуху и отправил в госпиталь, в г.Вольск. Пока я там лечился, закончился период переформирования и опять на фронт под Курск. Так закончился мой отдых.

ОРЛОВСКО – КУРСКАЯ ДУГА

Сталинградская битва закончилась полным разгромом немецко-фашистских войск, окруженных в Сталинграде. Это было начало конца войны. Наш артполк в составе 193 с.д. был передан в 65 армию. После непродолжительного отдыха и пополнения личным составом и техникой, мы погрузились в эшелоны и прибыли в конце февраля на станцию Елец, откуда походными колоннами отправились на передовую, то есть на Курский выступ. Все дороги были занесены снегом. Метровые сугробы затрудняли движение. Снабжение продовольствием почти совсем прекратилось. Питались только картошкой без хлеба и без соли, и то доставали у местного населения. Орудия приходилось вытаскивать на себе. Зимнее наступление

наших войск было тяжелым, с трудом продвигались по 2-4 километра в сутки. А в начале апреля наши части встали в оборону.

Наш арtpолк был переведен во второй эшелон. Мы прибыли в с. Михайловку. В начале мая нас опять выдвинули в первый эшелон. Наша батарея оборудовала огневую позицию в районе деревни Уболоть, меня назначили старшим по батарее, так как мой предшественник, ст. лейтенант Армер, был переведен в другой дивизион.

Перед моим назначением на батарею прибыли три телефонистки. Одна из них Тамара - горьковчанка, направлена на НП дивизиона, она при первой же бомбежке погибла от прямого попадания бомбы в землянку. Ее подруга Дина была телефонисткой в нашей батарее.

С приходом девушек обстановка на батарее сразу изменилась, настроение у всех повысилось. Девушки привезли много современных песен: "Землянка", "Ой, Днепр, Днепр", "То ли в Колпино, то ли в Казани" и др. За подлинность названий этих песен я, конечно, не ручаюсь.

Настало лето. Впереди батареи протекала речка Уболоть, вода в ней была такая чистая и прозрачная. Очень часто в ней мы стирали свои шмотки, мыли головы. В общем, обстановка в обороне располагала к этому.

Между тем разведка донесла, что немцы готовят крупное наступление с целью захватить инициативу у большевиков и продемонстрировать мощь Германских войск. Как стало известно (спустя много лет), Советское командование решило дать немцам такую возможность - начать наступление. А мы тогда знали только то, что должны были знать: крепко держать рубеж и не пропустить фашистов, перемолоть его стратегические резервы, а затем перейти в решительное наступление, что и было сделано.

5 июля 1943 года началось контр наступление фашистских войск. В течение месяца мы отбивали атаки немцев с большими для них потерями. Чего стоила только одно танковое сражение под Прохоровкой? А упреждающий удар нашей артиллерии и авиации по скоплениям фашистских войск? Он сыграл важную роль - враг понес большие потери, нарушилось управление в его войсках, а наши войска выиграли время.

Немецкое командование очень надеялось на успех в связи с применением новых типов танков "тигров", "пантер" и самоходных артиллерийских установок "фердинанд". Но все эти новые виды вооружений с "неуязвимой броней" горели, как свечки, от огневой мощи усовершенствованных танков Т-34 и противотанковых орудий. Наши батареи 76 мм орудий были выдвинуты на прямую наводку для уничтожения вражеских танков.

Пока наши соседи справа и слева вели успешное наступление, выравнивая линию фронта, наша 65-я армия вела танковую оборону и уничтожала вражеские танки и пехоту. 193-я стрелковая дивизия, которую поддерживал наш 384-й арtpолк, занимала оборону на реке Сев.

Общее наступление было продолжено 26 августа и наши войска быстро форсировали реку Сев, заняв плацдарм за рекой шириной по фронту до 20 км и 10 км - в глубину.

Немцы начали наносить контрудары большими силами пехоты и танков. Контратаки были все отбиты и мы двинулись вперед, наращивая темп наступления с каждым днем. Немцы бежали под натиском наших войск к Десне. Но немецкая авиация постоянно преследовала наши наступающие части.

Наша батарея постоянно перемещалась за наступающей пехотой. Был такой случай. Только подогнали автомашины к пушкам, прицепили орудия. Появились немецкие самолеты и, заметив наши машины, сбросили несколько бомб. Водитель одного из орудий Цимбал не успел завести двигатель, был смертельно ранен.

Нашим войскам не удалось форсировать Десну сходу. Но с наступлением темноты и в течение ночи были переправлены уже значительные силы, в том числе и 354-я стрелковая дивизия - наш левый сосед.

Сломив упорное сопротивление на плацдарме, мы начали наступление на Гомельском направлении, и вышли к реке Сож южнее Гомеля. Река широкая и форсировать пришлось ночью, в трудных условиях. Удалось захватить лишь небольшой плацдарм. Немцы непрерывно контратаковали - по 10-12 контратак в день.

ВПЕРЕД К ДНЕПРУ

Плацдарм на реке Сож расширить не удалось из-за непрерывных контратак немцев. Поэтому командование фронта решило оставить этот плацдарм в междуречье Сожа и Днепра и перебросить наши части обратно и направить к Днепру южнее Гомеля. В районе г. Лоева, после тщательной подготовки, мы форсировали Днепр. Саперы к этому времени навели понтонный мост, наша батарея была переправлена на плацдарм на прямую наводку.

Я к этому времени был переведен на должность командира взвода управления. Быстро проложили проводную связь с НП батареи и с КП дивизиона. Орудия прямой наводки решили успех захвата плацдарма и удержания его от бесчисленных контратак противника.

В обязанности взвода управления входило: немедленно обеспечить проводную связь и организовать разведку за противником со всех наблюдательных пунктов. Передовой наблюдательный пункт (ПНП) оборудовался или в нейтральной зоне, или непосредственно в боевых порядках пехоты.

Однажды при переходе с одного НП на другой я попал под артобстрел. Я, естественно, бросился на землю и угодил в старый орудийный окоп, вокруг рвались снаряды. Я почувствовал, что рядом со мной что-то упало. Когда по окончании обстрела я встал, то с ужасом увидел, что у меня в ногах, там, где я лежал, из земли торчит неразорвавшийся снаряд.

С целью подготовки к дальнейшему наступлению необходима была тщательная разведка переднего края противника и его глубины обороны. С помощью оптических приборов мы засекали артиллерийские и минометные батареи,

пулеметные точки, ДОТы и ДЗОТы, а также снайперов. Сбор и анализ разведанных передавался вышестоящему начальству. По разведанным целям производилась пристрелка орудий с закрытых позиций и их подавление впоследствии. При необходимости орудия выдвигались на прямую наводку.

Хорошо дралась на плацдарме 193-я с.д., успешно отбивая контратаки противника. Артиллерия противника вела непрерывный огонь по нашему берегу, самолеты наносили бомбовые удары по переправам и плацдарму.

Отбив все контратаки, дивизия возобновила наступление.

Немецкая оборона на днепровском рубеже рушилась. Но и наши дивизии изрядно были потрепаны, а для дальнейшего наступления необходимы были свежие силы. Наши войска встали в оборону. Началась усиленная подготовка к наступлению.

В Белоруссии

Наш центральный фронт был преобразован в Белорусский. Это означало, что мы будем освобождать Белоруссию.

Немецкое радио кричало о неприступности "Восточного вала". Оборонительные рубежи немцы действительно укрепили: глубоко эшелонированная оборона с множеством разветвленных траншей в полный профиль, ДОТы, ДЗОТы, опорные пункты и т.п.

После короткой артподготовки 10 ноября 1943 года наши части пошли в наступление и на широком участке прорвали вражескую оборону. В прорыв были введены танковые корпуса и кавалерийские. Танкисты уничтожали технику, а кавалеристы пехоту противника. В результате ночного боя были перерезаны все дороги, ведущие из Гомеля на Калинковичи и Мозырь. Путь отступления Гомельской группировки врага был отрезан.

В этом наступлении наши войска соединились с партизанами. Но успехи наши неожиданно омрачились. На правом фланге немцы большими силами контратаковали наши части, в результате чего мы отошли на 20-25 км. В это время с другого участка была переброшена артдивизия "Катюш", которая мощным огнем остановила противника. Поле боя было усеяно убитыми и ранеными, подбитыми и сожженными танками.

И вот наши части опять наступают, но противник подтянул сюда большие силы.

Командование фронта передислоцировало на 10 км влево три дивизии. Пехота расположилась в лесу на отдых до полудня. Не пришлось отдыхать только нам - артиллеристам. Мы оборудовали огневые позиции, пристреливали цели.

Разведка боем оказалась настолько успешной, что пехота захватила первую траншею и завязала бой в глубине обороны противника, вражеская оборона прорвана, г. Калинковичи был освобожден. Фронт в январе 1944 года перешел к обороне. Началась трудоемкая работа по оборудованию огневых позиций для орудий, землянок для расчетов, траншей и ходов сообщений для наблюдательных пунктов.

Линия обороны проходила по болотистой местности. Участок на левом фланге оставался совсем открытым, так как траншеи оборудовать было совсем невозможно. А в некоторых местах передний край проходил в 100 метрах от немецкого - обменивались гранатами. За все лето стояния в обороне люди преобразились: помылись в бане, привели себя в порядок, и настроение повышалось с каждым днем, потому что приближалось время наступления. И вот этот день настал.

Наступление началось 24 июня 1944 года на левом фланге через болота, то есть там, где противник не ожидал. Это было главное направление. На правом фланге, как потом стало известно, наносился отвлекающий удар. Здесь под Паричами была сухая возвышенная местность. Немецкие войска здесь сильно укрепились и считали, что мы пойдем в лобовой удар, так как на левом фланге они считали, что болота были непроходимые.

Но наше командование решило именно здесь нанести главный удар.

Для пехоты наплели лаптей, а для танков и артиллерии построили гати.

Полтора часа длилось артиллерийская подготовка. За три часа наступления наши части продвинулись на 8 километров.

Когда немцы поняли, что их надули, то стали из-под Паричей перебрасывать на левый фланг сильное подкрепление, но уже было поздно. Наши войска прорвали оборону, и танковые соединения устремились в прорыв. Дороги для отступления «парической» группировки немцев были перекрыты, противник окружен. Немцы стали сдаваться в плен. В результате разгрома окруженной группировки было взято много пленных и боевой техники.

В дальнейшем наши войска вели наступательные бои по окружению Бобруйска. С запада держали немцев в кольце дивизии нашего корпуса - 354 и 193. Начались сильные контратаки немцев, в результате которых из окружения вышло несколько тысяч немецких солдат. Остальные были уничтожены и взяты в плен.

Прямой наводкой артиллеристы уничтожили много техники. Взяты большие трофеи

Наше наступление стало настолько стремительным, что некоторые отступающие подразделения немцев оказывались на параллельных дорогах - у нас в тылу, и сдавались в плен. Наша артиллерия дивизии ушла намного вперед пехотных полков. Впереди был город Слуцк. Командир артполка подполковник Болдасов дал задание мне - подойти с разведчиками к Слуцку и установить наличие там немцев. Я со своими разведчиками (А.Мирошеник, И.Лупов, Рубец) подошли к городу и с помощью бинокля стали просматривать окраину. Немцев вроде нет, и мы двинулись к домам. Но тут же по нам последовала автоматная очередь. Тогда мы зашли с другой стороны дома и увидели троих немцев, они стояли в окопе и стреляли в том направлении, где только что были мы. Я скомандовал: "Хенде хох!". Они повернули автоматы в нашу сторону. Тогда мы их расстреляли. Дальше уже немцев не было. А с правого фланга мчалась наша кавалерия. За эту операцию я был награжден орденом "Красной Звезды". Слуцк был освобожден. А к вечеру уже был освобожден г. Барановичи. Но если Слуцк был взят целым и невредимым, то Барановичи весь горел.

Продвигаясь по белорусской земле, мы проходили по сожженным деревням. Заслоны, оставляемые немцами, сдавались в плен.

Был такой случай. Войска продвигались маршем по параллельным дорогам, не встречая сопротивления. И вот, спускаясь с горы, все дороги сошлись в одном месте. Одна единственная дорога, насыпанная через болото. На этой дороге скопилось много войск: машины с пушками, машины с боеприпасами, машины с личным составом и с продовольствием. На противоположной стороне дорога опять идет в гору. При подходе войск к этой горе начал стрельбу крупнокалиберный пулемет с транспортера. Кто-то крикнул: "Рассредоточиться". А куда тут разбежишься? В болото что ли? К счастью, стрельба прекратилась, так как пехотные разведчики зашли с тыла и захватили всю засаду.

В другой раз при разгроме немецкого арьергарда все немцы разбежались, побросав оружие и бронетранспортеры. Дело было вечером, уже стемнело. Я подошел к одной телеге и в это время начался минометный огонь. Ну, я, естественно, упал на землю рядом с повозкой. Обстрел прекратился, а я увидел под повозкой человека. Подумал, что это один из моих разведчиков, и позвал его. Но тот не ответил. Пристально посмотрев на человека, я определил, что это немец. Тогда я скомандовал: "Ком цу мир, ком цу мир!" (иди ко мне). Он вылез из-под телеги и тут же поднял руки и лопочет: "Гитлер капут, плен". Тогда я ему показал направление на восток, махнул ему рукой и сказал: "Геен, геен (иди)". Такие случаи стали регулярными, когда пленных немцев группами направляли без охраны: "Геен зи нах остен". И они уходили. Но так было до того, когда я увидел собственными глазами, как немцы зверски обращаются с нашими пленными.

На одной лесной поляне мы подходили к какой-то хибаре. Вблизи оказалось, что это домик лесника. Он был обгоревшим, а у домика валялись шесть трупов обгоревших наших солдат. Очевидно, немцы их заперли в этом домике и подогли. Когда они начали задыхаться от дыма, то вышибли дверь и стали выходить. Немцы их всех добились из автоматов. Впредь и мы не оставались равнодушными к пленным.

Развивая стремительное наступление, мы приближались к Беловежской пуще. Неожиданно мы не встретили почти никакого сопротивления. Немцы не успели здесь организовать оборону. В Беловежской пуще мы остановились на привал: собирали ягоды и наслаждались лесным воздухом и красотой природы. Но недолго.

К государственной границе вышли 21 июля 1944 года, с ходу форсировали реку Западный Буг. Но, как всегда в таких случаях, немцы начали контратаки с целью сбросить наши части в реку - ликвидировать плацдарм. Кавкорпус, ушедший далеко вперед, вел бои в окружении, связь с ним прекратилась.

Армейская разведка перехватила разговор одного немецкого командира танковой дивизии с другим, которые решали начать встречный удар и соединиться в районе одной деревни. Сто танков с севера и столько же юга. А на плацдарме держалась одна дивизия, с которой связь была прервана. Для ликвидации прорыва были мобилизованы все резервы. Дрались почти в окружении. Орудия дивизионной артиллерии были выведены на прямую наводку для уничтожения танков. Они расстреливали врага в упор. На поле боя враг потерял много танков и орудий.

ПОЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ

Западный Буг наши части форсировали сходу и без потерь. Государственная граница осталась позади.

Сразу за рекой стоит крестьянский дом, стандартный. Отделка в доме хорошая, культурная. Но дом пустой, никого нет. Для нас, советских людей, это было чем-то невероятным. У нас ведь не было таких домиков.

Мы шли к реке Нарев форсированным маршем. Немцы стремились к переправам. И вот солнечный теплый день 4 сентября 1944 года. Мы подошли к реке. Немцев на том берегу не было. Мы разделись, всю одежду связали в мешки и, держа на вытянутых руках вещмешки и оружие, вошли в реку, спокойно переплыли.

Правый берег Нарева был сильно укреплен: несколько линий траншей с ходами сообщений, ДОТами, ДЗОТами и проволочное заграждение в несколько рядов.

Минные поля саперы разминировали. Пехота прошла от берега три километра и закрепилась. Началась переправа орудий и танков.

Другие дивизии, форсировав реку, начали расширять плацдарм вправо и влево. На левом фланге наши части стремились к переправе, а немцы панически отступали впереди нас. Часть немецких войск уже вступила на мост, а наш танк следом за ними. Мост через Нарев немцы подорвали, все их солдаты вместе с нашим головным танком погибли в реке. А на восточном берегу была масса немецких войск.

Немцы только к вечеру прибыли к заранее подготовленному рубежу обороны, но он уже был занят нашими войсками. К ночи немцы начали контратаки, и на другой день, и на третий, по несколько раз в день с танками. Но мы окопались так прочно, что им ничего не оставалось, как встать в оборону.

Целый месяц мы укрепляли оборону и вели разведку переднего края противника. Плацдарм был расширен до 25 километров по фронту и до 10 километров в глубину. Это был пистолет, направленный в сердце Германии, как оценили сами немцы.

Но вот неожиданно 4 октября 1944 года на рассвете немцы начали контрнаступление. Сначала я не понял, подумал, что это наши "Катюши" открыли огонь. Но когда разрывы мин и снарядов стали вокруг наших наблюдательных пунктов, то стало понятно, что у немцев появились нечто похожее на "Катюши". Немецкая пехота с танками широким фронтом ударили встык 354 и 193 стрелковых дивизий. Танки "утюжили" передний край. В траншее почти никого не осталось в живых. Противник на узком участке прорвался до второй линии траншей.

Фашистские самолеты эшелонами по 50-60 штук бомбили переправы. Над плацдармом стоял несмолкающий рев от самолетов и разрывов бомб, снарядов и мин.

Основная тяжесть борьбы с танками противника легла на плечи летчиков воздушной армии и артиллерии, орудия которой с прямой наводки расстреливали танки. Путь к реке преградили артиллеристы.

Кроме того шли наши тяжелые танки, которые открыли залповый огонь. Несколько немецких танков запылали, а остальные начали отход.

Немцы в пьяном виде напролом шли и шли в атаки, численность которых достигала в день до 10-12. Но силы у немцев иссякли, и они прекратили контрнаступление. На поле боя остались сотни танков и тысячи трупов.

Через две недели наши части пошли в наступление и не только восстановили положение, но и вдвое расширили плацдарм. Вот тут я с радостью наблюдал в бинокль, как немцы драпали, пожалуй, похлеще, чем мы в 41-м. Охваченные паникой, они беспорядочно убегали в лес. Мы стали готовиться к новому наступлению.

К ГРАНИЦАМ ГЕРМАНИИ

Войска 65-й армии, в том числе и наша, 193-я стрелковая дивизия, были переданы в состав 2-го Белорусского фронта, но командовать фронтом оставили маршала Рокоссовского.

Новое наступление началось 14 января 1945 года с Сероцкого (Наревского) плацдарма. Главный удар наносился по направлению к центру излучины Вислы между Бромбергом и крепостью Грауденц. После мощной полуторачасовой артподготовки, пехота смело пошла в атаку за огневым валом от рубежа к рубежу.

Отступавшие немецко-фашистские войска пытались задержать наши части на небольших речушках, которых было много до Вислы.

Несмотря на это, наши части за 12 дней продвинулись на 200 километров. Капризы погоды просто изматывали людей. То тепло, под ногами грязь, раскисшая земля, то ударил мороз до 25 градусов, превратив дороги в катки.

Пехота ушла вперед. Наша дивизия подошла к Висле первой. Выпавший снег как-то преобразил все: и поля и лес - все было блестящим, ослепляющим, а у людей приподнятое настроение. Техника отстала. Мои разведчики где-то достали лошадь с фаэтоном, и мы вместе с командиром дивизиона майором Корыткиным поехали к Висле догонять свою пехоту.

Две наши дивизии - 193-я и 354-я форсировали Вислу и заняли плацдарм.

Противник не успел занять оборону на западном берегу Вислы.

Висла, хотя и замерзла, но не настолько, чтобы можно было переправлять технику: орудия, танки. Пришлось делать ледяные дороги - усиливать лед с помощью деревянных настилов. Но опять потеплело и уже ледяные дороги не сделать. Тогда стали взрывать лед и наводить понтонный мост, движение по которому ускорило переправу техники.

Сотни наших бомбардировщиков висели над позициями противника. А по понтонному мосту быстро начали переправляться техника: танки, арт.орудия.

Плацдарм с каждым днем увеличивался. Наши части, преодолев яростное сопротивление, вышли в привисловские леса на западном берегу. Немцы начали отход.

За лесом, на высоте, на опушке леса стояла школа. Мы с разведчиками заняли ее под НП, а впереди - в 10 метрах поставили орудия. Сами расположились

отдохнуть. Вдруг из леса послышалась автоматная стрельба. Я скомандовал: "В ружье!". Когда все выбежали из школы, то слева от меня за деревом я увидел немецкого солдата. Я приказал своему разведчику А. Мирошнику зайти с другой стороны. Он его застрелил и еще одного. Они оказались из батальона смертников.

Школа стояла на прочном железобетонном фундаменте. Внутри был оборудован подвал, который был приспособлен для обороны. В этом подвале собрались солдаты и офицеры стрелкового батальона. Мы тоже зашли туда. В это время один из солдат исполнял современные песни по просьбам товарищей. Вот здесь впервые я услышал "Синий платочек" и "Солдатский вальс". Голос у парня был что надо.

Впереди школы, прямо в низине, стояла деревня, на окраине которой занимал оборону один из стрелковых батальонов 895-й стрелкового полка. А впереди этой деревни - высота, на которой закрепились немцы. Они контратаковали наши позиции. Как это часто бывало, они шли во весь рост, молча, пьяные. Эта психологическая атака повторялась до тех пор, пока они не были уничтожены. Наутро немцев уже и след простыл.

Мы двинулись через лес, дошли до опушки. Вдали виден большой красивый дом с добротными вспомогательными постройками. Как потом оказалось, это было имение какого-то барона. Это имение обороняла группа немцев во главе с сыном самого барона. Сдаваться он не хотел, но его прикончили свои солдаты, а сами сдались в плен. В этом фольварке мы остановились на обед, так как наша пехота и танки, преследуя противника, стремились к Данцигу.

На пути нам стали встречаться бесконечные вереницы беженцев, которые не смогли попасть на корабли, и вынуждены были возвращаться назад. В поместье, а вернее в сараях и просто под открытым небом немцы располагались на ночлег.

На подступах к городу врага атаковали танкисты, одним ударом прорвали оборону. Немцы яростно сопротивлялись, так как стремились как можно больше войск эвакуировать морем.

Трудные уличные бои вели подразделения 193-й стрелковой дивизии. Вот один из примеров. Многоэтажные каменные здания были превращены в опорные пункты. Подходы были заминированы и обнесены проволочными заграждениями. Стены домов были такими толстыми и крепкими, что не берет ни один калибр. Орудия прямой наводкой были нацелены в каждое окно и в каждую амбразуру. Устроили дымовую завесу, а в это время саперы разминировали подходы и подорвали проволочное заграждение. Пушки начали бить по окнам, амбразурам и немецким орудиям. Автоматчики пошли в атаку и взяли траншею. Огонь из орудий перенесли по окнам второго и третьего этажа. Немцы сдались в плен.

Когда мы вышли к мертвой Висле, то на ее берегу рядом с мостом в палатке мы увидели раненых немцев, брошенных своими частями, за ними ухаживали немки.

В ходе дальнейшего наступления мне с моими разведчиками приходилось идти с пехотой и даже залезать на крыши домов и оттуда передавать данные разведки на КП дивизиона, и батареи по этим целям вели огонь.

30 марта 1945 года Данциг был взят, наши войска вышли на побережье Балтики. Все дороги были завалены брошенной немцами техникой: орудия, тягачи, танки, автомашины. Всю эту технику они не успели погрузить на корабли. Были захвачены богатые трофеи.

ВПЕРЕД, НА БЕРЛИН!

Весь наш фронт перебрасывался на Штеттинское направление. Вся масса войск форсированным маршем двинулась вдоль побережья Балтики к месту сосредоточения - на Одер. Наша дивизия и вся 65-я армия прибыли к Одера числа 10 апреля, сменили части первого Белорусского фронта.

Линия обороны проходила по берегу Одера на опушке леса. Сзади нас огромный лесной массив. На чердаке рыбацкого домика оборудовали НП и установили непрерывное наблюдение за передним краем противника. В лесу не особенно разгуляешься - то тут, то там вода, то есть болотистая местность. Но есть, конечно, и пригорки. На берег Одера выходить не безопасно - может подстрелить снайпер. Одного нашего связиста Кузьмина убили.

Обычная артиллерийская разведка уже не могла своевременно обеспечить командование разведанными при ограниченных сроках на подготовку к форсированию Одера. Нужны были более современные методы. Такими методами обладала армейская инструментальная разведка (АИР). Такая мощная водная преграда, как река Одер, да еще в устье, явилась серьезным препятствием на пути в Берлин, но и последним.

Нашим частям достался самый трудный участок для форсирования - два рукава, а посредине широкая пойма. Мост через реку взорван, а мощные железобетонные подмостные сооружения с амбразурами для ведения огня, а внутри на большой глубине - казематы на сто человек. Вот в этих казематах были опорные пункты. Они не пробиваемы, никакой снаряд их не берет. Приходилось не только забрасывать гранатами, но еще зажигать тряпье, солдатские телогрейки и бросать туда, после чего немцы выбрасывали белые тряпки и сдавались в плен.

Одер форсирован. Пленный немецкий офицер сказал, что удар был внезапным, туман, много огня - и сразу прыжок в траншеи.

На плацдарме сильные контратаки немцев большими силами с танками. 193 с.д. более суток отбивала контратаки. Ночью переправили противотанковую артиллерию. 21 апреля немцы предприняли 24 контратаки. А наша дивизия 22 апреля развернула наступление фронтом на север, в обход Штеттина. Из города немцы бросили в контратаку полицейские части и полки морской пехоты. Их полностью разгромила артиллерия и авиация. 25 апреля 193 с.д. перехватила все дороги, идущие к городу с запада, дивизия готовилась к штурму города, но на рассвете к комдиву явилась делегация горожан. Они сообщили, что немецкие войска оставили город и просили не разрушать его. Бургомистр сказал, что Штеттин сдается на милость победителя.

Город чистый, с массивными зданиями. Я с разведчиками шел по улицам города, гражданского населения сначала не было, но потом, когда они поняли, что

русская армия не стреляет и не грабит, высыпали на улицы и окружили нас, расспрашивая о том, что с ними будет. Я им старался, как мог, объяснить, чтобы они успокоились. Они радостно что-то стали рассказывать.

Я подошел к дому на углу улиц. У раскрытого окна на подоконнике стоит большая стеклянная бутылка с ромом. Хозяин уже достаточно пьян, угощает наших солдат. Но, прежде чем выпить, почти каждый просит, чтобы он сам сначала выпил (не отравлен ли ром?).

Наша дивизия двигалась к морю. Мы заняли город Барт. С одним сержантом зашли в дом посмотреть, как живут рядовые немцы. Дом - стандартный, внутри чисто, хорошая обстановка, вся семья сидит за круглым столом. При нашем появлении разговор прекращается. Сидящие на кушетке молодая женщина и девушка встают, подходят к нам и предлагают пройти в верхние комнаты. Там стоят две кровати, диван, туалетный столик с зеркалом, на полу - ковер. Женщины начинают раздеваться, но мы извинились и ушли.

Впереди идущие наши войска освободили английских и американских военнопленных летчиков, которые большой колонной двигались нам навстречу.

В результате стремительного наступления наша дивизия заняла город Штральзунд 29 апреля 1945 года. На этом война для нас закончилась. Левофланговые части пошли на Берлин, а мы остались на побережье Балтийского моря, где и встретили День Победы.

В четырехэтажном доме, в котором мы разместились, был хорошо оборудованный подвал с амбразурами. Все стены завешаны коврами, много кроватей, но немцы все сбежали вслед за своей армией.

День победы. Что творилось! Кричали "Ура!", обнимались, стреляли вверх. Наши солдаты из других подразделений обнаружили на железнодорожной станции цистерны со спиртом, напились и отравились. Многих госпитализировали, несколько человек погибли.

После 9 мая нас начали передислоцировать от одного района к другому, из одного города - в другой. Это продолжалось до тех пор, пока второй Белорусский фронт не переименовали в Северную Группу войск, которая рассредоточилась в Польше.

По приказу командира полка подполковника Болдасова я поехал в артиллерийский разъезд в район города Бунцлау. Со мной поехал еще один разведчик. Мы должны были установить - есть ли воинские казармы и примерно распределить по ним наши дивизионы, и ждать своих. Мы заняли один домик, и пошли в город. Буквально в двух кварталах от нас оказался лагерь репатриированных - наших женщин и мужчин, их в свое время угнали с оккупированных территорий СССР на работу в Германию.

Пока мы ждали своих, успели несколько раз посетить лагерь, который состоял из нескольких кварталов многоэтажных домов. Все люди, находившиеся в лагере, в совершенстве владели немецким разговорным языком, были хорошо одеты, с хорошим настроением. У них была своя самодеятельность - устраивали концерты. По вечерам играла музыка, на танцплощадке - танцы. Куда и мы один раз ходили.

Вместо того, чтобы прибыть своим дивизионом, приехал курьер и сказал, что для нашего полка определили другой район. Мы быстренько собрались и отправились на новое место.

В Бунцлау я ходил в музей Кутузова - это маленький домик, где собраны экспонаты: фотографии, домашние предметы, оружие.

Нашей дивизии был отведен район города Нойхаммер. За городом сохранились не разрушенными военные казармы. В этом военном городке были крепкие трехэтажные казармы и служебные помещения. В одном из зданий разместили учебную батарею. Меня назначили начальником штаба этой батареи.

По роду службы мне приходилось бывать в городе Вальденберге, где размещался штаб 65-й армии, и в г. Лигнице - там находился штаб фронта.

В связи с реорганизацией армии и сокращением вооруженных сил, меня, в числе большой группы офицеров, демобилизовали 29 ноября 1946 года. Так закончился мой боевой путь.

ДОРОГА ДОМОЙ

Как я уже говорил, наши войска были расквартированы в Польше и, частично, на восточных немецких землях, которые по решению союзников отошли к Польше. В соответствии с этим решением граница между Польшей и Германией проходила по рекам Одеру-Нейсе. Естественно, польские власти стали выселять немцев за эту границу. По дорогам потянулись вереницы немецкого народа со своим скарбом. Этот скарб и детей везли на ручных тачках и детских колясках. Картина была удручающая. Колонна двигалась молча.

В 1946 году, в связи с намечающейся реорганизацией вооруженных сил, к нам, в Северную группу войск, прибыла большая группа офицеров из Генерального штаба. Она должна была определить путем опроса каждого офицера в отдельности степень подготовки и желание каждого офицера остаться в кадрах.

В нашем арtpолку такую проверку проводил полковник. Мне был задан вопрос: "Как вы считаете, достаточная ли у вас профессиональная подготовка, чтобы в дальнейшем служить в кадрах Красной Армии?". Мой ответ: "У меня всего курсы младших лейтенантов, во-первых, а во-вторых, я желаю демобилизоваться". Вопрос: "Почему?". Ответ: "Здесь не разрешается жить с семьями и вряд ли будет ли разрешено вообще". Полковник заключил: "Вопрос о демобилизации будет решаться вообще, а в частности, вас послать на переподготовку". На этом беседа закончилась.

Впервые за 5,5 лет службы в армии мне предоставили отпуск в сентябре 1946 года. Я радовался, что наконец-то увижу своих родителей и родных, свою Родину. До Варшавы добирались на пригородных поездах, а дальше - прямой поезд Берлин-Москва.

Брест - пограничный пост. Здесь мы походили по привокзальному базару. И увидели столько нищих и калек, что захотелось плакать. В Кузнецке я тоже увидел удручающую картину. Проходя по улицам, я понял, что трагедия войны везде наложила свой отпечаток. Дома мне показались выкрашенными какой-то темной краской. Мрак по сравнению с городами Запада. В доме у родителей тоже шаром

покати, как говорится. В войну работали в колхозе за "палочку", кормились только своим огородом, да молоком от своей коровы. Хорошо еще картошка была со своего огорода.

Отпуск прошел быстро. В часть возвратился в начале октября. Мне сообщили, что направляют меня на курсы усовершенствования. Я собрал свои вещи и поехал к месту назначения. Но, видимо, кто-то вспомнил, что я не хотел оставаться в кадрах, и меня вернули обратно в часть.

Приказом Главкома СГВ № 01648 от 29 ноября 1946 года я был уволен в запас.

СОДЕРЖАНИЕ

Кругликов Валерий Сергеевич Председатель Сергиево-Посадского районного Совета ветеранов	3
К юбилею Победы в Великой Отечественной войне	5
Битва под Москвой – шаг к Победе	6
Абросимова Александра Фёдоровна	10
Александрова (Романова) Валентина Васильевна	11
Андропова Нина Александровна	13
Бочкова (Колядова) Надежда Кузьминична	17
Будникова Татьяна Викторовна	19
Герцик–Ройзен Эмма Ильинична	21
Епифанова Тамара Васильевна	23
Иванова Галина Николаевна	25
Игнатова (Арбузова) Надежда Григорьевна	32
Карпова (Нестерова) Валентина Васильевна	33
Квашнин Николай Григорьевич	35
Ларионова Людмила Ивановна	36
Матысяк Людмила Андреевна	39
Молчанова Алла Николаевна	41
Назаров Геннадий Алексеевич	43
Наумова Галина Михайловна	48
Немкова Лидия Александровна	50
Пикалева Нина Ивановна	51
Потапов Юрий Николаевич	52
Снетков Николай Дмитриевич	58
Степнова Нина Ивановна	60
Улыбина Мальвина Сергеевна	62
Щапов Василий Кузьмич	63